

ВОСПОМИНАНІЯ ИВАНА АЛЕКСАНДРОВИЧА ГОЛЫШЕВА

1838 — 1878.

Самый существенный, основной отдѣлъ программы нашего изданія составляютъ, какъ извѣстно читателямъ, — дневники, записки и воспоминанія русскихъ дѣятелей, свискавшихъ ту или другую извѣстность на всѣхъ поприщахъ ихъ общественной дѣятельности. Въ теченіе десяти лѣтъ на страницахъ «Русской Старины» были напечатаны записки и воспоминанія: И. К. Айвазовскаго, Я. П. Бакланова, Д. Н. Баятышъ-Каменскаго, М. А. Бестужева, А. Т. Вологова, свящ. Іоанна Виноградова, А. Л. Витберга, М. Гарновскаго, А. А. Генрици, М. И. Глинки, Н. И. Греча, А. К. Гриббе, Грубера, Д. В. Давыдова, княгини Е. Р. Дашковой, А. К. Денисова, Г. И. Добрынина, И. И. Европеуса, И. С. Жиркевича, пастора Зейдера, В. Н. Зиновьева, В. А. Инсарскаго, П. А. Каратыгина, К. П. Колзакова, В. К. Кюхельбекера, Н. Г. Левшина, С. И. Маевского, И. Менъшова, И. Мигрина, П. Назарова, артистки Л. П. Никулиной-Косицкой, М. Θ. Орлова, гр. Д. Е. Остенъ-Сакена, Т. П. Пассекъ, А. А. Панаева, А. Е. Попова, О. А. Пржецлавскаго, сенатора П. С. Рушча, В. В. Самойлова, И. И. Свѣзева, К. С. Сербиновича, Θ. Г. Солнцева, А. Н. Струговщикова, Э. И. Стогова, А. С. Стурдзы, А. Н. Сѣрова, Л. А. Сѣрикова, Д. К. Тарасова, графа Θ. П. Толстаго, Θ. М. Толстаго, князя Н. Ю. Трубецкаго, А. Θ. Ушакова, Г. П. Чернышева, кн. М. М. Щербатова, и друг. Въ этой библиотекѣ записокъ и воспоминаній русскихъ дѣятелей, со временъ Петра Великаго до нынѣшняго царствованія, видимъ представителей всѣхъ сословій: отъ фельдмаршала—до рядоваго, отъ царедворца—до монаха, отъ знаменитаго художника—до смиреннаго труженика, тернистымъ путемъ достигнушаго извѣстности.

Обиліе матеріаловъ по отдѣлу записокъ и воспоминаній заставляетъ насъ въ теченіе года начинать иногда одновременно печатаніе нѣсколькихъ мемуаровъ, при чемъ, разумѣется, нѣтъ физической возможности оканчивать начатое въ двѣнадцати книгахъ ежегоднаго издавія. Но, имѣя въ виду эту необходимость, мы всегда старались и стараемся заканчивать каждый рядъ печатаемыхъ главъ какою либо опредѣленною эпохой. Какъ историческая энциклопедія—«Русская Старина» не можетъ подчиняться правиламъ литературныхъ періодическихъ изданій, которыя для удобства читателей стараются не переносить окончанія статей съ одного года на другой. Въ распоряженіи редакціи находятся мемуары нѣкоторыхъ русскихъ дѣятелей, состоящіе изъ нѣсколькихъ томовъ: возможно-ли оканчивать печатаніе подобныхъ историко-литературныхъ памятниковъ въ одинъ годъ, безъ ущерба прочимъ отдѣламъ нашей программы, безъ увеличенія самаго объема нашего изданія вчетверо?

Нынѣ представляемая вниманію читателей «Русской Старины» «Воспоминанія И. А. Голышева» — принадлежатъ перу бывшаго крѣпостнаго крестьянина, который, благодаря неослабному своему терпѣнію, любознательности и жаждѣ знанія — почетный гражданинъ и членъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ учебныхъ обществъ. Этотъ скромный дѣятель на поприщѣ отечественной археологій—живое доказательство той несомнѣнной и отрадной истины, что въ народной массѣ отечества нашего не оскудѣваютъ источники тѣхъ нравственныхъ силъ, представителямъ которыхъ, у насъ въ Россіи, были Посошковы, Ломосовы, Кулибины, Стѣпушкины, Кольцовы, Никитины и многіе другіе. Ред.

I.

Голышевы. — Александръ Голышевъ. — Мое рожденіе. — Училище. — Промыслы отца. — Литографъ Лилъе. — Рисовальная школа. — Первый опытъ литографіи. — Выходъ изъ школы. — Страсть къ естествознанію. — Ненависть раскольниковъ. — Освобожденіе отъ рекрутчины.

1838—1856.

Родъ Голышевыхъ одинъ изъ старинныхъ во Владимірской губерніи. Наслѣдственнымъ занятіемъ ихъ было иконописаніе, существующее съ давнихъ временъ въ древней Суздальской области. Въ выписи изъ переписныхъ Владимірскихъ книгъ 1646 года, въ числѣ сторожей при церкви во Владимірѣ упоминается Олешка Емельяновъ сынъ Голышевъ съ сыномъ Гришкою ¹⁾; означенный сынъ Григорій, вѣроятно изучивъ во Владимірѣ иконописаніе, переселился

¹⁾ Владимір. Губерн. Вѣдом., № 8, 1878 г.

въ сл. Мстеру ¹⁾ въ 1718 году. Въ старинныхъ актахъ упоминается въ числѣ трехъ иконниковъ Григорій Голышевъ, который, при княгинѣ Настасѣ Борисовнѣ Ромодановской, работалъ въ придѣлѣ иконостасъ ²⁾. Далѣе упоминались: въ 1732 году Иванъ Семеновъ Голышевъ; въ 1737 году Александръ Семеновъ Голышевъ; въ 1741 году Михайло Семеновъ Голышевъ; въ 1743 году Семень Григорьевъ Голышевъ ³⁾. Въ концѣ минувшаго столѣтія принадлежалъ къ лучшимъ мастерамъ иконописи и особенно по финифти единственный мастеръ Козма Ивановъ Голышевъ, умершій скоропостижно въ 1826 году. Преемникомъ его по иконописанію, и частію по живописи масляными красками на деревѣ и полотнѣ, былъ крестьянинъ слободы Мстера (вотчины графа Виктора Никитича Панина) Александръ Козмичъ Голышевъ, родившійся въ 1805 году. Въ молодыхъ лѣтахъ онъ былъ избранъ крестьянскимъ обществомъ въ сельскіе (по тогдашнему земскіе) писаря, и въ этой должности прослужилъ 10 лѣтъ. Послѣ былъ избранъ въ бурмистры и эту службу проходилъ три года. Ревностный поборникъ православія и преслѣдователь раскола, бывшаго въ большихъ размѣрахъ въ сл. Мстерѣ, онъ все время общественной своей службы заботился объ огражденіи православныхъ, и о преслѣдованіи раскола; но происки и деньги превозмогли: Александръ Козмичъ былъ удаленъ отъ общественныхъ должностей, и принялся за обычное свое занятіе—иконопись.

Въ 1838 году 14-го іюня, родился у него сынъ Иванъ, пишущій эти строки. Грамотѣ обучался я въ приходскомъ сельскомъ училищѣ, въ которомъ преподавателями были приходскій священникъ, дьяконъ, и еще старикъ запятатный священникъ, замѣнявшій молодого своего родственника. Обученіе было, по тогдашнему времени, самое незавидное: церковною или славянскою азбукою, часословомъ и псалтырью ограничивалась словесность; письмо, гусиными перьями, малолѣтки 7—8-ми и не болѣе 10-ти лѣтъ выводили каракулями; тѣмъ и

¹⁾ Слобода Мстера, Вязниковскаго уѣзда Владимірской губерніи, прежде состояла въ Суздальскомъ уѣздѣ, была царскою собственностью, потомъ пожалована князю Ивану Ѳеодоровичу Ромодановскому; въ ней были два монастыря, мужской и женскій, на содержаніи его рода; князь Михаилъ Григорьевичъ съ семействомъ погребенъ въ здѣшнемъ храмѣ; названіе имѣло это мѣстечко Боголюблевскою слободою на рѣкѣ Мстерѣ, а послѣднее дано отъ рѣки.

²⁾ Владимір. Губер. Вѣдом., № 27, 1871 г. Ежегодникъ Владимір. Статистич. Комит. Суздальская Иконопись, т. I, вып. I, стр. 216.

³⁾ Владимір. Губер. Вѣдом., № 22, 1873 г. Ежегодникъ Стат. Комит., т. I, вып. I, стр. 216.

оканчивался курсъ ученія. Объ ариѳметикѣ, о грамматикѣ не было помину, и только весьма рѣдко, по вечерамъ, мы слышали рассказы священника изъ ветхаго и новаго завѣта. Возвращаясь изъ училища домой, я, подъ руководствомъ отца, занимался рисованіемъ на бумагѣ, растираніемъ для него краски, писаніемъ образовъ на стеклѣ и на доскахъ; но это обученіе не знакомило меня съ правилами рисованія. Не легко было отцу, послѣ общественной должности, приниматься опять за свое ремесло, скудно вознаграждающее семейную жизнь: дѣтей у него было 5 человѣкъ, работникъ же онъ одинъ, а потому онъ и прибѣгалъ къ разнымъ способамъ промышленности, чтобы удобнѣе обезпечить семейный бытъ. Вздумалъ-было писать образа на стеклахъ для сбыта торговцамъ-офенямъ, но это не много дѣлало подспорья. Устроилъ-было косметическое заведеніе, для выдѣлки помады, духовъ, мыла, курительныхъ свѣчекъ и т. п., что и работалось своей семьей, но и это производство не усовершенствовалось. Это ремесло сблизило его съ Москвою, которая была ему знакома и прежде по дѣламъ службы въ бытность его бурмистромъ, такъ какъ прежній помѣщикъ, предшественникъ графа В. Н. Панина, генералъ И. В. Тутолминъ проживалъ въ Москвѣ. Теперь сношенія отца съ столицею стали по производству и закупкѣ матеріаловъ. Свои косметическія издѣлія онъ продавалъ тѣмъ же офенямъ, вмѣстѣ съ галантерейными мелочными товарами. Торговля эта шла не особенно прибыльно и оборотъ былъ самый малый.

У отца была страсть ко всякимъ нововведеніямъ. Въ Москвѣ онъ натолкнулся на производство свѣтописи, называвшееся тогда дагерротипомъ. Изучивъ поверхностно это дѣло и обзаведясь снарядами, отецъ разъѣзжалъ по сосѣднимъ городамъ и снималъ портреты. Неудачные опыты и плохое вознагражденіе за трудъ заставили отца бросить и эту попытку, которая стоила ему не мало времени и издержекъ. Присовѣтовали ему добрые люди заняться какимъ нибудь промысломъ въ нашей Мстерѣ—торговомъ офенскомъ мѣстечкѣ—и указали на торговлю народными книжками и картинками, которыя въ большомъ ходу у офеней. Московскіе издатели народныхъ произведеній печати открыли ему небольшой кредитъ и эта торговля, около 1846 года, начала помаленьку развиваться. При этомъ въ то же время отецъ обратилъ вниманіе на раскраску лубочныхъ картинокъ. Сношенія съ Москвою дѣлались болѣе и чаще; картинки въ видѣ опыта онъ привозилъ нераскрашенными, и при содѣйствіи своихъ дочерей-дѣвицъ сталъ вводить эту раскраску въ Мстерѣ. Это занятіе приняло у насъ промышленный характеръ для женскаго пола.

Дѣтскій возрастъ мой въ средѣ крестьянскихъ дѣтей былъ неза-

видѣнь, но отецъ, какъ одного сына, лелѣялъ меня; отъ рожденія слабый здоровьемъ, я немало доставлялъ заботъ моему отцу. Любя собирать травы и растенія и немного знакомый съ медициною, онъ принималъ дѣятельныя мѣры къ сбереженію моего здоровья; особенно помню, когда я болѣлъ глазами и корью вмѣстѣ съ золотухою. Около года я не видѣлъ божьяго свѣта, и окончательное излеченіе оказано мнѣ было въ Москвѣ, въ глазной больницѣ; однакоже, одинъ глазъ остался неизлечимымъ и неспособнымъ къ занятіямъ на всю жизнь.

Когда мнѣ минуло 11 лѣтъ, отецъ мой познакомился въ Москвѣ съ литографомъ Э. Лиле, у котораго онъ покупалъ картины. Лиле посовѣтовалъ отцу отдать меня учиться въ Москву и обѣщалъ постараться о моемъ опредѣленіи во 2-ю рисовальную школу, учрежденную графомъ Строгановымъ, въ которой самъ литографъ Лиле обучался и находился въ близкихъ отношеніяхъ съ директоромъ школы Гальфторомъ. Отецъ не замедлил воспользоваться такимъ предложеніемъ, взялъ меня съ собой въ Москву. Я съ большою охотою отправился, не взирая на слезы матери, сестеръ и родныхъ; всѣмъ казалось страннымъ, что отецъ единственного сына отправляетъ на чужую сторону. Большинство осуждало и насмѣхалось. По прибытіи въ Москву, отецъ оставилъ меня у Лиле. Это было въ іюлѣ 1849 года. Представили меня директору рисовальной школы, и онъ обѣщалъ послѣ лѣтнихъ каникулъ принять меня. У Лиле я пробылъ недолго. Онъ заставлялъ меня не столько учиться рисованію, сколько бѣгать на посылкахъ. Въ это же время я ходилъ, съ письмами отъ отца, къ разнымъ картиннымъ мастерамъ. Пріютили-было меня въ другомъ заведеніи—Глушкова, но и тамъ я пробылъ недолго; отсюда попалъ я въ заведеніе металлографіи Лаврентьевой. Содержатели его, братъ-холостякъ и сестра, оба пожилыхъ лѣтъ, очень полюбили меня и перевели на житѣ къ себѣ. Хотя они жили въ четырехъ или пяти верстахъ отъ школы, но я охотно остался у нихъ. Въ школѣ я былъ опредѣленъ въ 1-й классъ; плата полагалась 9 руб. въ годъ съ ученика, но за содержаніе мое у Лаврентьевой отецъ ничего не платилъ, такъ какъ покупалъ у нея картинный товаръ, да и по любви ко мнѣ Лаврентьевы не хотѣли брать денегъ. Школу, первое время, я посѣщалъ аккуратно, не пропуская ни одного класса. Такъ какъ я нѣсколько былъ знакомъ съ рисованіемъ, то скоро былъ переведенъ во 2-й классъ, пробывъ въ первомъ не болѣе года. Здѣсь я ознакомился со многими учениками, старался узнать какая у каждаго изъ нихъ будущность. Товарищи оказались тоже крѣпостными крестьянами помѣщика Гардифа. По достаточномъ обученіи или по окончаніи курса, они должны были поступить на фарфоровую и фаянсовую фабрики ихъ по-

мѣщика, для производства работъ. Были еще и другіе ученики, также отданные въ ученіе помѣщиками. Со всѣми съ ними обращались грубо у помѣщика и не менѣе строго въ школѣ. Побои, пинки, подзатыльники серебряною табакеркой, стрижка волосъ, въ насмѣшку, съ лысынами и розги—въ то время были въ ходу и въ школѣ и внѣ школы. Ко мнѣ директоръ относился благосклоннѣе и снисходительнѣе нежели къ другимъ ученикамъ. Отецъ нерѣдко посылалъ ему подарки; можетъ быть, поэтому-то я и пользовался его благосклонностью. Узналъ я также, что по окончаніи полнаго курса не могу получить диплома или аттестата, который избавилъ бы меня отъ податнаго состоянія. Аттестатами удостоивали лишь тѣхъ учениковъ, которымъ помѣщикъ давалъ вольную; всего же чаще случалось, что ученикъ, окончившій курсъ, обращаясь къ помѣщику за отпускной, вольной не получалъ, а оставался у помѣщика. Здѣсь ему приходилось исполнять художественныя прихоти барина и всю жизнь влачить въ качествѣ двороваго, да такъ и гибнуть съ своими талантами, отнятыми властною рукой помѣщика. Все это тяжелымъ камнемъ отзвывалось во мнѣ: мнѣ было извѣстно, что помѣщикъ нашъ никого на волю не отпускалъ, а я не видѣлъ исхода къ освобожденію и школьныя мои занятія не обѣщали принести мнѣ существенной пользы. На родину я пріѣзжалъ разъ въ годъ, во время лѣтнихъ каникулъ, съ іюня по сентябрь. Ради сбереженій денегъ, часто приходилось путешествовать на долгихъ, т. е. при возахъ съ товарами. Такіе переѣзды изъ Москвы за 300 верстъ совершались съ недѣлю времени; иногда приходилось трястись на задкахъ или передкахъ рядомъ съ ямщиками бывшихъ тарантасовъ. На каникулы я бралъ изъ школы оригиналы, съ которыхъ и рисовалъ; кромѣ того, у меня была страсть къ рисованію съ натуры деревьевъ и видовъ. Часто цѣлые лѣтніе дни я проводилъ за такою работою. Такъ какъ я жилъ постоянно въ Москвѣ, то отецъ мой чрезъ нѣкоторое время сталъ давать мнѣ порученія по своимъ торговымъ дѣламъ. Классы были только съ 8-ми до 12-ти часовъ утра; остальное время было свободно. Пользуясь имъ, я доставлялъ книгопродавцамъ и картинщикамъ письма, заказы и деньги; извозчики отъ отца привозили ихъ, а потомъ забирали товаръ и отправлялись обратно. По этой части я отдавалъ отчеты отцу. Школьныя занятія, при моемъ отчаяніи получить аттестатъ, мнѣ опостылѣли; меня постоянно тревожила мысль, что я попаду въ дворню къ барину и попаду на чужую сторону. При всемъ томъ и при малыхъ успѣхахъ въ рисованіи я былъ переведенъ въ 3-й классъ, на акварельныя работы. Не задолго передъ тѣмъ меня очень занимало литографическое производство. Въ то время литографій было очень не много; производство это въ рукахъ печат-

никовъ и содержателей держалось въ секретѣ, мнѣ же хотѣлось непремѣнно изучить литографическое искусство. Обратиться съ просьбой къ моему покровителю Лиле я боялся, чтобы онъ не разрушилъ моихъ плановъ. Камня взять было неоткуда—я даже и не зналъ, гдѣ его можно купить. Въ заведеніи у Лаврентьевой была металлографія, но о литографіи въ немъ не имѣли понятія. Я просилъ промотавшихся литографовъ и печатниковъ, чтобы дали они мнѣ руководство и достали литографическій камень; но они нѣсколько разъ меня обманывали, пользуясь данными имъ деньгами. Спрашивая по разнымъ мѣстамъ литографическихъ камней, я наконецъ нашелъ въ одной лавкѣ такой камень. Отшлифовавъ его какъ нужно по наученію мелкой руки печатниковъ, я принялся рисовать на немъ картинку: Іовъ на гноищѣ; кончилъ, захотѣлъ оттиснуть... но увъ! камень оказался не литографическій, а «дикарь», или плита для краски! Въ досадѣ я разбилъ его въ дребезги.... Наконецъ, мнѣ растолковали, что настоящіе камни можно купить только въ иностранной конторѣ, что я немедленно исполнилъ; но сколько ни рисовалъ—все неудача. Одинъ литографъ разъяснилъ мнѣ наконецъ, что дѣло состоитъ въ хорошей шлифовкѣ камня. Онъ вышлифовалъ и приготовилъ мнѣ камень, и я сдѣлалъ на немъ рисунокъ: «проспектъ семи башенъ въ Константинополѣ». Для подписи потребовался другой мастеръ, который за деньги сдѣлалъ и это; затѣмъ я узналъ, что, кромѣ карандаша, существуетъ еще химическая тушь; нужно было вытравить кислотой и оттиснуть; это было сдѣлано однимъ печатникомъ-литографомъ. Тогда, по небольшому распространенію литографнаго дѣла, много значила вытравка рисунковъ; при неумѣннхъ могъ окончательно испортиться и хорошій рисунокъ. Я былъ въ восторгѣ, когда принесли мнѣ отпечатокъ, хотя онъ, какъ первый опытъ, не заключалъ въ себѣ ничего особеннаго. Это было въ 1853 году. Три года обученія въ школѣ ознакомили меня съ ценсурными правилами. Неоднократно для моей хозяйки носилъ я въ цензуру картинки и получалъ ихъ обратно, ѣзжалъ и въ Троицкую лавру въ духовную цензуру. Я чрезвычайно былъ доволенъ, когда на нарисованныхъ мною оригиналахъ по ея заведенію была вырѣзана подъ гравюрами на мѣди моя фамилія. Особенно я помогъ хозяйкѣ по смерти брата ея, умершаго въ 1850 году, въ нашемъ домѣ въ сл. Мстерѣ, проѣздомъ на ярмарку въ сл. Холуй. Теперь мнѣ хотѣлось съ рисунка сдѣлать побольше отпечатковъ и послать отцу. Оригиналы были проценсурованы; я купилъ бумаги и отдалъ отпечатать $\frac{1}{2}$ стопы въ одной вновь открывшейся литографіи; но отъ Лиле я все это почему-то скрывалъ, какъ-бы предугадывая его недовольство, когда онъ узнаетъ о моей попыткѣ къ литографіи. Кар-

тинки отпечатали, но цензура выпускной билетъ не выдала, за неозначеніемъ фирмы литографіи. Фирму же этого заведенія показать было нельзя, ибо она существовала подъ вѣденіемъ военнаго госпиталя и не имѣла офиціального права печатать на частныхъ лицъ ¹⁾. Я находился въ затруднительномъ положеніи: цензура не даетъ билета, а безъ него изъ литографіи не дають отпечатанныхъ картинъ и камня. Какъ ни непріятно мнѣ было, но я отправился къ Лиле просить согласія показать фирму его заведенія на десяти экземплярахъ, нужныхъ для цензуры. Онъ согласился, указана была его литографія, билетъ я получилъ, а также картины и камень изъ литографіи.

Этотъ первый опытъ въ литографіи имѣлъ печальныя послѣдствія; вскорѣ я видѣлъ Лиле у директора школы, который сталъ относиться ко мнѣ суровѣе прежняго, и перемѣстил меня опять во 2-й классъ. Это обстоятельство окончательно охладило во мнѣ охоту заниматься въ школѣ. Прежняя мысль обуяла меня, что, при посредствѣ школьныхъ занятій, я не миную попасть на барскій дворъ, а свободы не получу. Не сказавъ никому и не простясь съ директоромъ, я пересталъ ходить на занятія, бросилъ ученіе, и меня исключили какъ негоднаго ученика. Отецъ мой былъ недоволенъ моимъ поступкомъ, но все же ничего со мной не сдѣлалъ, только пригрозилъ всякими непріятностями. Прилежно занимаясь литографнымъ дѣломъ, я остался въ Москвѣ. Черезъ нѣкоторое время перешелъ жить въ литографію одного небогатаго гравера; покупалъ камни, рисовалъ на нихъ, и платилъ только за отпечатаніе съ сотни картинокъ. Независимо отъ своей рисовки, отдавалъ рисовать и другимъ мастерамъ, и отпечатанныя картины посылалъ отцу на продажу. Въ то же время я исполнялъ торговыя порученія отца. Помню мою радость, когда я однажды продалъ нѣсколько согенъ своихъ картинокъ петербургскому торговцу Апраксина двора; это было въ 1854—1855 годахъ, во время крымской войны и кончины государя императора Николая Павловича, когда на «современныя» картинки возрастало требованіе. Меня не покидала мысль объ основаніи литографіи въ слободѣ Мстерѣ, куда я часто прїѣзжалъ изъ Москвы. Земляки смотрѣли на меня какъ-то недружелюбно и даже съ презрѣніемъ; потому ли,

¹⁾ Я помню тогда, при строгости московскаго губернатора графа А. А. Закревскаго, очень мало давали дозволеній на печатныя заведенія, и потому продавали прежде-полученное право или разрѣшеніе, за дорогія деньги, вѣсть съ заведеніемъ. Эта литографія подъ видомъ казенныхъ работъ, которая печатала бесплатно, принимала и частные заказы—ярлыковъ и этикетовъ и т. п.—лишь бы пользоваться правомъ имѣть заведеніе.

что я былъ бойчѣе ихъ дѣтей, одѣвался прилично по городскому, или просто изъ зависти, такъ какъ я первый изъ нашихъ крестьянъ, не имѣя порядочнаго состоянія, получилъ, хотя и крайне поверхностное, образованіе въ Москвѣ, занимался то рисованіемъ съ натуры, то возился съ самодѣльною электрическою машиною. Къ естественнымъ наукамъ у меня, какъ и у моего отца, была страсть, и собрано у насъ было немало разныхъ физическихъ снарядовъ: барометръ, термометръ, зрительныя трубы, камера-обскура, волшебный фонарь, китайскій фейерверкъ, китайскія тѣни, астролѣбія и проч. Я изучалъ и землѣріе съ нѣкоторыми знакомыми землѣбрами по астролѣбіи и бусоли, но, по незнанію ариѳметики, немного успѣлъ; читалъ лечебники и, подъ руководствомъ отца, оказывалъ медицинскія пособія крестьянамъ, разумѣется, безденежно; перегонялъ чрезъ кубикъ розовую и черемуховую воду для глазъ, собиралъ насѣкомыхъ и бабочекъ, также воспитывалъ нѣкоторыхъ птицъ: филиновъ, совъ, папалей, журавлей и орловъ, и звѣрей: барсуковъ, горностаевъ, зайцевъ, бѣлокъ и т. п.; водились живыми же въ бутылкахъ ужи, ящерицы, и проч.; кто бы и гдѣ ни поймалъ какую либо рѣдкую птицу или звѣрка, живыми или убитыми, приносилъ къ намъ въ домъ. Все это ставило меня какъ-бы выше другихъ молодыхъ людей и возбуждало ненависть. Богачи-раскольники, занимавшіе высшія общественныя должности, порѣшили въ 1856 году (когда мнѣ должно было исполниться 18 лѣтъ) отдать меня въ солдаты, сдѣлавъ изъ нашего семейства тройниковъ: отецъ, его родной братъ, живущій отдѣльно, и я, съ которыхъ не было отправлено рекрутской повинности, общественную же службу отца не принимали въ уваженіе ¹⁾, ибо онъ удаленъ былъ отъ нея съ замѣчаніемъ и неудовольствіемъ помѣщика ²⁾, а потому на мой жребій и выпадала по тогдашнему «крас-

¹⁾ По правиламъ помѣщика, кто прослужилъ три года безпорочно въ общественной службѣ, бурмистромъ или писаремъ, лично освобождался отъ рекрутской повинности.

²⁾ Въ 1844 году помѣщикъ графъ В. Н. Панинъ, писалъ: «Проступки бурмистра Голышева были велики и заслуживали бы примѣрнаго наказанія, а въ особенности за то, что онъ заковалъ самовольно крестьянъ въ желѣза, преграждалъ обиженнымъ принесеніе мнѣ жалобъ; по случаю кончины покойной моей родительницы и по уваженію просьбы всего мірскаго общества, также по сожалѣнію къ семейству Голышева и по уваженію оказаннаго имъ прежде усердія—я его прощаю». И въ 1848 году, по случаю его вмѣшательства въ общественныя дѣла, графъ В. Н. Панинъ предписалъ: «Объявить Голышеву, что онъ не возмущивалъ какъ слѣдовало снисхожденіе, оказанное ему въ годъ кончины покойной матушки графини Софьи Владиміровны, по ходатайству мірскаго общества, а потому, если въ послѣдствіи дастъ поводъ къ распрямъ, то будетъ удаленъ изъ вотчины».

ная шапка». Все это держалось въ секретѣ, и раскольники злорадно толковали, что-де «московскому школьнику забрѣемъ лобъ». Дѣло объяснилось лишь тогда, когда отецъ мой представилъ въ вотчинное правленіе за меня, какъ одинокого, за четверть рекрута 150 руб. По этому взносу одиночки навсегда лично освобождались отъ рекрутства: денегъ не приняли и участь моя была рѣшена. Тогда отецъ мой со мной вмѣстѣ поѣхалъ въ С.-Петербургъ. Графу В. Н. Панину отецъ мой поднесъ моей работы картину «виды храмовъ слободы Мстеры». Графъ остался доволенъ этимъ рисункомъ, уважилъ просьбу отца и предписалъ въ Мстеру, чтобы деньги за меня были приняты, чрезъ что я и освободился отъ рекрутчины.

II.

Открытіе литографіи въ сл. Мстерѣ.—К. Н. Тихоновъ.—Приглашеніе въ члены статистическаго комитета.—В. П. Безобразовъ.—Уставныя грамоты.—Графъ В. Н. Панинъ.—Поѣздка въ Петербургъ.—Комитетъ грамотности.—Рисовальная школа и бібліотека въ Мстерѣ.—Пронсеніе раскольниковъ.—Медаль.—Поднесеніе моихъ рисунковъ Государю Императору.—Отзывъ академіи художествъ.

1857—1863.

Къ 1857 году у меня набралось до 30-ти литографическихъ камней съ 60-ю рисунками. Въ этомъ году я окончательно переселился жить на родину, чтобы удобнѣе достигнуть цѣли—открыть въ слободѣ Мстерѣ литографію. Отецъ первоначально обратился къ помѣщику о дозволении просить разрѣшенія губернатора. Тогда же мнѣ поручилъ ма-нуфактуръ-совѣтникъ вязниковскій купецъ О. О. Сельковъ снять съ натуры и нарисовать видъ гор. Вязниковъ, для начальника губерніи Е. С. Тиличеева; а въ 1858 году, по сношеніи съ г. министромъ внутреннихъ дѣлъ, открытіе литографіи было разрѣшено губернаторомъ на имя отца, такъ какъ мнѣ не было и 20-ти лѣтъ. Сначала я усиленно занимался рисовкою на камнѣ и составленіемъ оригиналовъ для народныхъ картинокъ, а также велъ всю переписку и сношенія по введенію съ ценсурой и другими учрежденіями; мнѣ хотѣлось еще во всей подробности изучить и химическую часть этого производства, тогда еще мало распространеннаго. Я покупалъ въ Москвѣ руководства, на иностранныхъ языкахъ, съ которыхъ мнѣ переводили знакомые офицеры квартировавшаго здѣсь полка. Практическими опытами я изучилъ уже нѣкоторыя подробности и разъ, при вареніи химическихъ литографическихъ карандашей, едва не поплатился, отъ воспла-

менившей смѣси селитры съ горючимъ составомъ. Зная по опыту, какіе были въ Москвѣ плохіе рисовальщики, я не хотѣлъ привозить ихъ оттуда, но обратилъ вниманіе на мѣстныхъ иконописцевъ, которые оказались хорошими мнѣ помощниками по рисованію; нѣкоторые, въ послѣдствіи, поступили отъ меня въ заведенія Москвы, получая до 70 и болѣе руб. сер. въ мѣсяцъ. Изъ таковыхъ нынѣ до десяти человекъ проживаютъ въ московскихъ литографіяхъ. Потомъ пріучились къ дѣлу и печатники изъ мѣстныхъ же жителей, и заведеніе литографіи осуществилось. При пяти ручныхъ станкахъ, оно постоянно работало, выпуская ежедневно до 3,000 народныхъ картинъ, которыя потомъ раскрашивались дѣвущками малолѣтняго возраста, бѣдныхъ родителей, что и вошло у насъ въ постоянное занятіе женскаго пола. Болѣе 200 чел. бѣдныхъ семействъ занимаются нынѣ этимъ дѣломъ.

Въ 1859 году проѣзжалъ, для ревизіи губерніи, чрезъ с. Мстеру владимірскій губернаторъ Е. С. Тиличевъ, въ сопровожденіи помощника правителя канцеляріи, секретаря статистическаго комитета, и редактора губернскихъ вѣдомостей К. Н. Тихонравова. Губернаторъ остановился у бывшаго уѣзднаго предводителя дворянства И. А. Протасьева ¹⁾, въ сосѣднемъ селѣ Татаровѣ, а К. Н. Тихонравовъ изъ любопытства пришелъ пѣшкомъ въ село Мстеру—посмотрѣть литографію и древній Богоявленскій храмъ. Здѣсь я показалъ ему видъ вязниковскаго Благовѣщенскаго монастыря, отпечатанный мною для этой обители безденежно. К. Н. Тихонравовъ говорилъ мнѣ, что хорошо было-бы снять и напечатать видъ Суздальскаго монастыря съ могилой князя Д. М. Пожарскаго ²⁾. Я съ удовольствіемъ послѣдовалъ его совѣту и осенью-же отправился въ Суздаль, снялъ видъ и доставилъ вчернѣ г. Тихонравову. Онъ меня очень обласкалъ, сдѣлалъ надписи къ рисунку и подарилъ свое сочиненіе «Владимірскій Сборникъ», изданный имъ въ 1857 году. Потомъ я нарисовалъ этотъ видъ на камнѣ. Тотъ же К. Н. Тихонравовъ совѣтовалъ мнѣ заниматься рисованіемъ видовъ и другихъ замѣчательныхъ мѣстностей, также не упускать изъ виду и предметовъ древностей. Въ послѣдствіи я сталъ доставлять г. Тихонравову литографированные виды и рисунки. Въ 1861 году я получилъ неожиданно письмо за подписомъ губернатора, въ которомъ, съ увѣдомленіемъ о новомъ положеніи и преобразованіи статистическихъ комитетовъ, у меня спрашивалось: буде я желаю принять званіе почетнаго члена,

¹⁾ И. А. Протасьевъ скончался 11-го января 1875 г.

²⁾ Могила князя Д. М. Пожарскаго открыта въ 1851 году; рисунокъ этого приложенъ къ V-му выпуску «Трудовъ Владимирскаго Статистич. Комитета».

то какую могу пожертвовать сумму въ комитетъ? Это первое губернаторское письмо поставило меня въ затруднительное положеніе, по ограниченности средствъ на пожертвованіе. Изъявляя благодарность, я отвѣчалъ, что всякій рисовальный трудъ готовъ исполнить съ усердіемъ; о деньгахъ-же не сказалъ ни слова.

Вслѣдъ за отвѣтомъ губернатору, я поѣхалъ во Владиміръ, чтобы лично объясниться съ К. Н. Тихонравовымъ; къ губернатору я не смѣлъ явиться. Помню, когда, вмѣстѣ съ отцомъ, мы являлись къ нему за разрѣшеніемъ открыть литографію, то долго ожидали въ прихожей, съ многочисленными просителями; лакей, не смотря на присутствіе дежурнаго жандарма, выпросилъ у отца сколько-то денегъ. Вышелъ губернаторъ, съ длинною трубкой во рту, взялъ прошеніе у отца, а я представилъ ценсурованные и съ билетами рисунки, какъ доказательство своихъ начавшихся изданій народишхъ картинокъ. Губернаторъ очень грубо и отрывисто произносилъ: «это дрянъ, это дрянъ!» Я растерялся и не помню, что отвѣчалъ, кажется, что это не относится къ искусству, но губернаторъ много не далъ говорить; послѣ уже, чрезъ другихъ лицъ, ему передано, что моя работа находится у него въ кабинетѣ—видъ гор. Вязниковъ. Этотъ первый приемъ произвелъ на меня неотрадное впечатлѣніе: вѣроятно, и успѣху въ дозволеніи и ходатайству у министра внутреннихъ дѣлъ—помогло заранѣе взятое согласіе графа В. Н. Панина. Съ этого времени я боялся губернатора, который чрезъ недолгое время, въ концѣ 1861 года, оставилъ губернію. К. Н. Тихонравовъ, по пріѣздѣ моемъ, принялъ меня благосклоннѣе прежняго, и тутъ же передалъ дипломъ на избраніе меня дѣйствительнымъ членомъ комитета, въ собраніи 8-го іюля 1861 года. Я объяснилъ ему, что готовъ служить рисованіемъ, но не перомъ, такъ какъ нигдѣ не учился, не знаю грамматики, не гораздъ писать. На это онъ съ добродушною улыбкой возразилъ: «тамъ увидятъ, когда будешь членомъ статистическаго комитета». Это былъ первый случай избранія изъ крестьянъ въ члены по означенному комитету въ нашей губерніи; впрочемъ, и послѣ того изъ этого словія не было еще членовъ.

Въ этомъ же году проѣзжалъ слободой Мстерой В. П. Безобразовъ. Я былъ съ отцомъ на ярмаркѣ въ слободѣ Холуѣ, гдѣ торговали книгами и картинами. Отецъ мой съ нимъ познакомился здѣсь, а я видѣлся мелькомъ въ своей лавкѣ; въ послѣдствіи мы узнали, что онъ первый печатно упомянулъ о нашей литографіи, въ своихъ путевыхъ запискахъ¹⁾. Это обстоятельство познакомило меня съ В. П. Безобразовымъ,

¹⁾ «Русскій Вѣстникъ», т. 34, 1861 г.

который потомъ состоялъ секретаремъ Императорскаго Географическаго общества.

Отца моего выбрали въ волостные старшины, а, по образованіи волости, предстояла надобность въ составленіи уставной грамоты. При условіяхъ малоземельности, по промышленной мѣстности, всѣмъ хотѣлось знать предварительный проектъ ея, или ознакомиться—на какомъ она должна быть основаніи. Отецъ послалъ меня въ одно имѣніе князя Долгорукаго (въ 50-ти верстахъ отъ сл. Мстеры), въ которомъ знакомый нашъ, бывшій прежде часто въ нашемъ домѣ, И. Я. Дубенскій (онъ до того времени былъ чиновникомъ особыхъ порученій при владимірскомъ губернаторѣ) занимался крестьянскимъ вопросомъ и составлялъ уставныя грамоты по разнымъ имѣніямъ. По этому же предмету онъ пріѣхалъ и въ это село изъ С.-Петербурга, въ которомъ проживалъ, оставивъ службу во Владимірѣ. Г. Дубенскій объяснилъ мнѣ на какихъ условіяхъ должна быть у насъ уставная грамота; составилъ два проекта. Потомъ онъ предложилъ мнѣ принять участіе въ устроившемся въ то время въ С.-Петербургѣ комитетѣ грамотности, по указанію изданій книгъ для народной потребности и сообщать свѣдѣнія по народной книжной торговлѣ. При этомъ г. Дубенскій далъ мнѣ нѣсколько добрыхъ совѣтовъ и уговаривалъ побывать въ С.-Петербургѣ. Въ томъ же 1861 году въ первый разъ пріѣхалъ въ сл. Мстеру графъ В. Н. Панинъ для обзора имѣнія и предложенія условій по уставной грамотѣ. Мстерскіе крестьяне, богатаго состоянія и раскольники, на первыхъ еще порахъ вступленія въ службу отца, относились къ нему недружелюбно; отецъ, въ свою очередь, также воспользовался прежнимъ самовластьемъ и не забывалъ, при всякомъ случаѣ, мстить за его удаленіе отъ должности бурмистра. Поэтому ко всѣмъ его, хотя бы и правильнымъ, нововведеніямъ относились враждебно и къ проектамъ уставной грамоты относились такъ же, не довѣряя имъ, въ томъ предположеніи, что, по малоземельности при Мстерѣ, они совсѣмъ не будутъ платить оброка. Для графа В. Н. Панина отецъ постарался сдѣлать самый пышный пріемъ. Большія живыя стерляди, хорошія вина и ананасы—были приготовлены на счетъ общества; графъ подарилъ ему за это икону Владимірской Богоматери, въ серебряной вызолоченой ризѣ, и свою фотографическую карточку, а помощнику его—серебряный бокальчикъ. Икона Владимірской Богоматери, по смерти отца, пожертвована мною въ Богоявленскій храмъ на память о Панинѣ. Графъ пробылъ въ Мстерѣ вмѣстѣ съ своимъ сыномъ три дня. Жители, служащія лица, а въ томъ числѣ и я, по пріѣздѣ графа цѣловали его руку и щеку; онъ, послѣ обзора храмовъ, посѣтилъ нашъ

домъ и литографію; также посѣтилъ священнослужителей, и поручилъ мнѣ выслать ему въ С.-Петербургъ оконченный мною тогда рисовкою на камнѣ видъ Суздальскаго монастыря, гдѣ погребенъ князь Д. М. Пожарскій, что мной и было исполнено.

По достаточномъ осмотрѣ имѣнія и угодій, графъ приказалъ собрать сходъ, на которомъ предложилъ крестьянамъ, что онъ желаетъ оставить все существующее въ ихъ пользованіе и на прежнемъ платежѣ оброка, т. е. какъ было до этого времени; крестьяне отвѣчали, что у нихъ мало земли ¹⁾. Графъ обидѣлся и съ сердцемъ отвѣчалъ, что онъ и не нуждается въ ихъ согласіи, а что представить въ губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, да возьметъ въ свою собственность третью часть удобныхъ и доходныхъ угодій и это будетъ утверждено. Тутъ графъ быстро удалился со схода и приказалъ къ другому дню готовить лошадей для отъѣзда.

Отецъ мой между тѣмъ постарался уговорить и склонить крестьянъ, чтобы они согласились на предложеніе помѣщика, и когда карета была подана къ подъѣзду, крестьяне пали всѣ на колѣни. Графъ, выходя изъ комнаты садиться, спросилъ, что это значитъ? Крестьяне отвѣчали, что просятъ прощенія за вчерашнее несогласіе. Графъ сказалъ, что они его разстроили; онъ много хотѣлъ говорить, но они огорчили его, и теперь прощаетъ ихъ, а для окончательнаго согласія пришлетъ управляющаго.

Въ октябрѣ того же 1861 г., пріѣхалъ управляющій съ предписаніемъ отъ графа на имя отца, на котораго и вновь уже не замедлили поступать жалобы. Самъ графъ, зная его какъ врага раскольниковъ, въ предложеніи упомянулъ: «....нельзя однакоже ожидать успѣха, если будутъ допущены распри по предметамъ, относящимся до церковныхъ обрядовъ и мнѣній о духовныхъ предметахъ». Проектъ уставной грамоты долго не приводился въ исполненіе, но потомъ дѣло это уладилось. Какъ по этому предмету, такъ и по другимъ дѣламъ, которыхъ у отца моего возникло много, онъ поручилъ мнѣ ѣхать въ С.-Петербургъ. Въ эту поѣздку мнѣ представился случай быть у В. П. Безобразова, П. И. Небольсина, Н. Я. Дубенскаго, который представилъ меня предсѣдателю комитета грамотности С. С. Лашкареву. Всѣ они интересовались офенскою книжною торговлей, что я и объяснялъ на сколько могъ и обѣщалъ написать, что мнѣ извѣстно.

¹⁾ Земли при сл. Мстерѣ находится на 1,167 мужскаго пола дунѣ, удобной п неудобной, только 881 десятина 46 сажень.

Въ 1862 году 27-го января, меня избрали въ члены корреспонденты комитета грамотности при Императорскомъ Вольномъ Экономическомъ обществѣ. По поводу его занятій, Н. Я. Дубенскій былъ со мною въ перепискѣ. Потомъ, я какъ-то надумалъ, сообщая разныя свѣдѣнія, написать коротенькую статейку по вопросу уничтоженія запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ и послалъ К. Н. Тихонравову. Къ большой моей радости эта первая статья появилась въ печати подъ заглавіемъ «Нужно ли имѣть хлѣбъ въ запасныхъ магазинахъ крестьянъ тамъ, гдѣ нѣтъ хлѣбопашества» (№ 19 «Владимірскихъ Губ. Вѣд.» 1862 г.). Появленіе въ печати первой моей статьи поощрило меня, и я сталъ писать прилежно и читать все, что ни попадало подъ руки, особенно разныя изслѣдованія о Россіи.

По соглашенію съ отцомъ, я рѣшился учредить въ пустыхъ, свободныхъ комнатахъ общественнаго зданія волостнаго правленія бесплатную воскресную рисовальную школу и библіотеку для чтенія. Рисовальную воскресную школу я видѣлъ и зналъ въ Москвѣ (она была тогда при Строгановскомъ училищѣ). Дозволеніе послѣдовало; 22-го апрѣля 1862 г., эти учрежденія торжественно были открыты. Мальчики охотно приходили для занятій, имъ нравились преподаваемые мною приемы рисованія, по правиламъ столичнаго преподаванія, и такъ какъ они всѣ дѣти иконописцевъ бѣдныхъ семействъ, то и прилежно занимались рисованіемъ. Число учениковъ доходило иногда до 60-ти человекъ; классы продолжались отъ 11-ти до 3-хъ час. пополудни, сообразно съ погодою. Если въ праздникъ было ненастье, то занятія продолжались и дольше. Одновременно съ этимъ ученики брали для чтенія книги, коими пользовались и всѣ желающіе жители. Учрежденія эти были поставлены въ весьма удовлетворительное положеніе; книгъ возрасло до 500 названій, нерѣдко ими присылались и пожертвованія ¹⁾. За это доброе дѣло мои земляки относились не сочувственно, а общественныя распри съ отцомъ возбудили множество дѣлъ и жалобъ на него почти по всѣмъ инстанціямъ, по которымъ (то за справками, то за разъясненіемъ, то за копіями) отецъ очень часто посылалъ меня во Владиміръ. Чрезъ эти поѣздки сношенія мои съ К. Н. Тихонравовымъ дѣлались тѣснѣе; онъ также сталъ посѣщать сл. Мстеру и нашъ домъ, нерѣдко не одинъ разъ въ годъ, и помогалъ мнѣ разными совѣтами. Въ іюнѣ 1862 года, проѣзжая для

¹⁾ Отчеты объ этихъ учрежденіяхъ были своевременно помѣщены во «Владимірскихъ Губери. Вѣд.» № 49, 1862 г. № 22, 1863 г. № 21, 1864 г. № 18, 1865 г. № 26, 1866 г. и перепечатаны въ «Занятіяхъ с.-петербургскаго комитета грамотности».

ревизіи губерніи, посѣтилъ школу и бібліотеку владимірскій губернаторъ генералъ-лейтенантъ А. П. Самсоновъ. Онъ говорилъ ученикамъ и жителямъ о пользѣ этихъ учреждений. Община богатыхъ раскольниковъ, которымъ старшина-отецъ не давалъ пощады и которыхъ постоянно преслѣдовалъ ¹⁾, подала просьбу лично губернатору, а потомъ и ревизовавшему по высочайшему повелѣнію губернатору А. Х. Капгеру. Отца временно до приѣзда сенатора удалили отъ должности старшины; сенаторъ, проѣзжая по губерніи, остановился у сосѣдняго помѣщика Е. И. Протасьева, у котораго мнѣ поручено было устроить въ саду иллюминацію и фейерверкъ; болѣе недѣли я провозился съ этими пустяками, но все вышло удачно и сенаторъ остался очень доволенъ. Онъ посѣтилъ мою школу и бібліотеку, и послѣ предписалъ мировому съѣзду посредниковъ: «Что жалоба была подана, какъ онъ замѣтилъ, партією старовѣровъ, враждебною Голышеву». Отца возвели опять на должность; все семейство и многіе знакомые совѣтовали ему послѣ этого обстоятельства—какъ онъ получилъ достойное удовлетвореніе—добровольно отказать отъ дальнѣйшаго служенія, но отецъ, по самолюбію и страсти, опять продолжалъ служить еще съ болѣе широкимъ мнѣніемъ своимъ недоброжелателямъ.

¹⁾ Тогдашній нашъ мировой посредникъ, въ концѣ 1862 года, писалъ отцу частное письмо, въ которомъ говорилъ: «Переданныя мнѣ слова отъ графа Вяктора Никитича Панина оказываются справедливы, и меня удивляютъ твои дѣйствія. Вотъ уже я другой годъ служу и дожидаюсь, не будетъ-ли въ тебѣ перемены, но къ прискорбію моему я не нахожу ничего, окромѣ твоей мстительности и недоброжелательства ко всѣмъ; но что для меня странно, для чего ты добивался службы? не забудь, что при вступленіи въ оную ты принималъ присягу—неужели для одного мнѣнія? и что ты съ твоею гордостью и всегдашнею злобой можешь получить? кромѣ непріятностей—ничего. Ты съ своимъ характеромъ постоянно думаешь, что всѣ тебѣ враги и жаждутъ твоей гибели; я вѣрно знаю, что ты и меня считаешь первымъ тѣснителемъ, а именно за то, что я тебѣ сдѣлалъ только выговоръ; я же сдѣлалъ выговоръ для того, чтобы тѣмъ самымъ дать тебѣ почувствовать твою несправедливость, по ты не понялъ меня и принялъ это за притѣсненіе. Теперь скажу: обдумай хорошенько всѣ твои дѣйствія даже и противъ меня, я все видѣлъ, знаю и понимаю тебя, и навѣрно, если бы другой посредникъ на мѣстѣ моемъ, то много бы сдѣлалъ тебѣ зла; ты забылъ, что мнѣніе есть смертный грѣхъ, ни законъ, ни служба не терять его, а потому надо сдѣлать одно: или бросить злобу, или оставить службу, а иначе ты можешь погибнуть самъ отъ себя; придетъ время, что все твое мнѣніе обратится на тебя, и ты вспомнишь мои слова, но будетъ уже поздно». Въ заключеніе посредникъ писалъ: «И такъ, А. К., прочитай вышесказанное, обдумай хорошенько и уведоми меня, на что ты рѣшишься, а ежели ты будешь упорствовать и дѣйствовать по прежнему, то я вынужденъ буду поступить согласно Положенію». Къ сожалѣнію, письмо это нисколько не повліяло на покойнаго отца моего.

Занятій моихъ я не оставлялъ, сообщая статьи для губернскихъ вѣдомостей; нѣсколько сообщеній по книжной торговлѣ доставлено въ комитетъ грамотности съ препровожденіемъ образцовъ народныхъ книгъ и картинъ ¹⁾. Мнѣ еще разъ пришлось по порученіямъ отца съѣздить въ С.-Петербургъ; тамъ я снова видѣлся съ учеными и съ покойнымъ поэтомъ Н. А. Некрасовымъ, который былъ проѣздомъ въ сл. Мстерѣ и заходилъ къ намъ въ домъ; съ нимъ у меня была небольшая переписка, по поводу его народныхъ изданій. В. П. Безобразову препровождалъ разныя свѣдѣнія; я отправилъ на его имя статьи—первые мои опыты «объ офеняхъ, книжной торговлѣ и иконописи», съ иконописными подлинниками, альбомами и эскизами иконописцевъ, и образцами иконъ. О нихъ упомянуто въ отчетѣ Императорскаго Географическаго общества за 1862 годъ и за нихъ я удостоенъ званія члена-сотрудника общества ²⁾. Отдѣленіе этнографіи признало справедливымъ присудить мнѣ бронзовую медаль ³⁾. Она была мнѣ выслана почти одновременно съ отчетомъ. Нечего и говорить, что это было радостною неожиданностью для начинающаго крестьянина-самоучки!

Между тѣмъ, вражда отца съ обществомъ и ихъ преслѣдовательныя отношенія, слѣдствія и судебныя дѣла—мнѣ страшно были непріятны; я постоянно мечталъ о выходѣ какъ нибудь изъ общества, и исходъ этотъ могъ представляться въ одномъ: представить въ академію художествъ рисунокъ и просить удостоенія званія некласснаго художника. Въ Москвѣ мнѣ было извѣстно много подобныхъ случаевъ полученія этого званія даже не за свои собственныя работы; рисунки дѣлали другіе за деньги, а просители выдавали ихъ за собственное искусство. Мнѣ тѣмъ болѣе было желательно обратиться съ моею просьбою въ академію, что она, можетъ быть, обратитъ вниманіе на труды мои по воскресной рисовальной школѣ. Рисунокъ, посланный въ академію, изображалъ народный праздникъ. Исполненъ онъ былъ на литографическомъ камнѣ и потомъ раскрашенъ акварелью; при этомъ были приложены 25 рисунковъ ученическихъ школьныхъ работъ.

Это было въ началѣ 1863 года. Изъ академіи я получилъ официальное увѣдомленіе, что рисунки будутъ разсматриваться въ августѣ мѣсяцѣ; самъ я не поѣхалъ въ С.-Петербургъ: по академіи зна-

¹⁾ Сообщенія мои напечатаны: Экономическія Записки № 50, 1862 г. Запятія комитета грамотности, вып. II и VI, 1863 г., №№ 1, 2, 5 и 6, 1867 г.

²⁾ Отчетъ Императорскаго Географическаго общества за 1862 г., стр. 77.

³⁾ Тамъ же, стр. 19.

комства не было, да и денегъ тоже не было, такъ какъ отецъ отпускалъ ѣхать и давалъ для поѣздокъ деньги только тогда, когда нужно было это по его дѣламъ; просить о содѣйствіи не зналъ кого и боялся, что если бы я пріѣхалъ въ Петербургъ, то заставятъ меня жить тамъ и дадутъ новыя работы на просимое мною званіе. Слабость своихъ художественныхъ способностей я сознавалъ и, главное, мнѣ было извѣстно, что нѣкоторые московскіе, не совсѣмъ хорошіе въ искусствѣ, граверы и литографы, получавшіе такое званіе, тратили большія деньги; я боялся, если поручать при академической обстановкѣ работать и особенно скоро, то я могу совершенно растеряться.

Въ томъ же 1863 году, 7-го августа, проѣзжалъ до Нижняго Новгорода и обратно Государь Императоръ. Тутъ мнѣ пришла мысль поднести Его Величеству нѣкоторые виды своей работы. На обратномъ пути Государя Императора, отецъ мой, какъ старшина, прибылъ на станцію «Мстера» желѣзной дороги, съ хлѣбомъ-солью. Народу было безчисленное множество, но поѣздъ не остановился; Государь Императоръ имѣлъ послѣ-обѣденный отдыхъ. Отецъ вернулся домой, а я остался на станціи, чтобы вечеромъ ѣхать съ поѣздомъ во Владиміръ: не удастся-ли тамъ.... На станцію же пріѣхалъ сосѣдній со мной помѣщикъ Е. И. Протасевъ; на спросъ о моей поѣздкѣ, я объяснилъ ему. Онъ сказалъ, чтобы утромъ я приходилъ къ нему во Владиміръ. Все это я исполнилъ; въ домѣ отца его, предводителя дворянства, И. А. Протасева, остановился шефъ жандармовъ князь Вас. А. Долгоруковъ, и предводитель общалъ мнѣ свое содѣйствіе. Меня послали въ домъ дворянскаго собранія, въ которомъ я до этого никогда не бывалъ. Здѣсь соизволилъ остановиться Государь Императоръ. Я сталъ у подъѣзда въ числѣ громадной толпы народа, но меня скоро оттолкнули, а полиціймейстеръ просто отогналъ, не принявъ никакихъ моихъ объясненій, да еще и выругался. Тутъ присовѣтовалъ мнѣ случайно встрѣтившійся небольшой чиновникъ—идти прямо въ домъ. Я робко вошелъ въ двери, по сторонамъ которыхъ стояли два черкеса. Замѣтя, что меня не гонятъ и ничего не спрашиваютъ, я сталъ у окна, и постепенно снялъ калоши, потомъ верхнее пальто, а когда увидалъ подъѣхавшаго предводителя, то открылъ спрятанную до сего въ платкѣ папку съ рисунками, съ отпечатанными на ней золотыми буквами Августѣйшаго Имени. Потомъ подошелъ къ входившему въ подъѣздъ предводителю. Въ соборѣ заблагоувѣстили къ обѣднѣ; прошло не болѣе полчаса; предводитель, сбѣгая по парадной лѣстницѣ, махнулъ мнѣ рукой и сказалъ, чтобы я шелъ за нимъ; онъ оставилъ меня на лѣвой сторонѣ двери выхода изъ внутреннихъ покоевъ, предъ самую лѣстницу, а направо стояли крестьяне ближнихъ во-

лостей съ хлѣбомъ-солью. Первымъ изъ дверей вышелъ предводитель и сталъ со мной рядомъ; за нимъ вышли князь Долгоруковъ и графъ Адлербергъ 2-й. Они что-то спросили меня, а предводитель объяснилъ имъ о поднесеніи моихъ трудовъ Государю Императору. Князь и графъ остановились тутъ же, а самымъ первымъ по выходу находился я.

Государь, поздоровавшись съ крестьянами, быстро подошелъ ко мнѣ и спросилъ: «Это чтò такое?»

Я наскоро объяснилъ и не растерялся; папку я держалъ въ рукахъ.

Государь Императоръ милостиво просматривая рисунки (ихъ было семь и въ концѣ приложенъ печатный отчетъ о рисовальной школѣ съ бібліотекой), при каждомъ изволилъ спрашивать «это что?» я отвѣчалъ и объяснялъ рисунки.

Затѣмъ Государь изволилъ спросить: «Ты гдѣ учился?» Я отвѣчалъ, что въ Строгановской школѣ. Государь сказалъ: «А, это въ Москвѣ», соизволилъ милостиво принять альбомъ, произнесъ «благодарю» и, передавая губернатору А. П. Самсонову, слѣдовавшему за нимъ, приказалъ:

— «Отдайте мнѣ на желѣзную дорогу, я рассмотрю».

При этомъ Его Величеству предводитель дворянства доложилъ, что я крестьянинъ изъ его уѣзда, а губернаторъ—какъ о членѣ статистическаго комитета. Его Императорское Величество еще повторилъ весьма милостиво, «благодарю» и отправился въ соборъ.

Когда я сходилъ съ лѣстницы, кто-то изъ придворныхъ чиновниковъ сказалъ мнѣ, что меня нужно записать, но какъ я объяснилъ, что на папкѣ есть и мое званіе, то тутъ же отпустили. Вскорѣ чрезъ губернатора я удостоился получить Всемиловѣйше пожалованные отъ Его Величества золотые часы за это поднесеніе. При поднесеніи я находился въ какомъ-то особенномъ восторгѣ; долго не могъ послѣ придти въ себя, тѣмъ болѣе, что выпала мнѣ счастливая доля отвѣчать на нѣсколько вопросовъ Государя и глядѣть прямо въ Его очи! Не знаю, не понимаю, какъ я не растерялся и не оробѣлъ.... Предводитель послѣ не одинъ разъ упоминалъ, что я хорошо отвѣчалъ Государю. Очнувшись отъ восторга, я бросился къ К. Н. Тихонравову, который еще ничего не зналъ, и онъ порадовался отъ души. По полученіи подарка отъ Государя Императора, я сообщилъ о томъ В. П. Безобразову, равно и о предстоящемъ въ этомъ мѣсяцѣ дѣлѣ по академіи художествъ. Въ исходѣ 1863 года я получилъ отъ него увѣдомленіе и, по болѣзни глазъ—диктованное имъ письмо, въ которомъ онъ, къ огорченію, извѣщаетъ, что мое письмо было получено въ С.-Петербургѣ во время его пребыванія въ деревнѣ, и ког-

да онъ вернулся, то было поздно и въ академіи въ просьбѣ моей отказано. Академія художествъ выслала рисунки мои съ увѣдомленіемъ, что рисунки признаны неудовлетворительными. Я началъ усерднѣе и усиленнѣе писать для владимірскаго статистическаго комитета, исполнялъ его порученія, а къ его изданіямъ ¹⁾ прилагать бесплатно литографированные рисунки и виды. Также началъ обращать вниманіе на этнографію, предметы промышленности и археологію, учился разбирать старинныя рукописи и акты; въ затрудненіяхъ нерѣдко оказывалъ мнѣ содѣйствіе и помогалъ мнѣ словомъ и дѣломъ почтенный и уважаемый К. Н. Тихонравовъ ²⁾.

Слобода Мстера.

Ив. А. Голышевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ Съ 1863 года Владимірскаго статистическаго комитета началъ издавать «Труды», коихъ вышло 10 выпусковъ.

²⁾ Книгъ по археологіи и другимъ изслѣдованіямъ я не имѣлъ, да и не гдѣ было взять здѣсь; въ частныя поѣздки во Владиміръ по дѣламъ отца, я, находясь тамъ по нѣскольку дней, разсматривалъ таковыя у К. Н. Тихонравова, а также и разные журналы; нѣкоторые изъ лишнихъ у него онъ мнѣ дарилъ, а изъ другихъ я выписывалъ необходимые матеріалы, для чего и просиживалъ цѣлыя ночи; нѣкоторые источники увозилъ съ собою, и по выпискѣ матеріаловъ пересылалъ обратно; переписка съ г. Тихонравовымъ была постоянная; у меня множество его писемъ. Въ слободѣ Мстерѣ не съ кѣмъ посоветоваться, не съ кѣмъ бывало промолвить слова по отношенію къ наукамъ: не только не получали здѣсь журналовъ, но и газеты дешевой цѣны были чрезвычайною рѣдкостью.

ВОСПОМИНАНІЯ ИВАНА АЛЕКСАНДРОВИЧА ГОЛЫШЕВА.

III ¹⁾.

Покупка земли.—Земскія власти и тѣлесныя наказанія.—Упраздненіе школы.—Дѣло о литографіи.—Основаніе братства.—Мои первыя изданія.—А. И. Артемьевъ.—Археологическій сѣздъ.—Старанія объ увольненіи изъ крестьянскаго общества.—Неудовольствія съ отцомъ.—Почетное гражданство.—Неистовства отца и судебное вмѣшательство.—Смерть отца.—Мои труды и пожалованныя мнѣ награды.—Заключеніе.

1864—1878.

Въ 1864 году отца моего съ должности старшины всетаки смѣстили; какъ онъ ни добивался, но выборъ большинствомъ шаровъ палъ на другаго, а на отца сдѣлали начеть въ растратѣ 1,652 руб. 11¹/₂ коп. общественныхъ денегъ, чрезъ что завязалось опять болѣе тяжёлое дѣло. Въ это время сосѣдъ мой, помѣщикъ, изъявилъ согласіе продать мнѣ землю—остатокъ въ 13 десятинъ 1,800 сажень, за надѣломъ крестьянъ, рядомъ съ сл. Мстерою. Я употребилъ всѣ старанія, чтобы пріобрѣсти участокъ, и объяснилъ ему, что выстрою тутъ домъ, такъ какъ во Мстерѣ нашъ домъ былъ старъ и плохъ, и переселюсь сюда, окончательно вышедъ изъ общества. Соображенія эти были вѣрны. Положеніемъ 19-го февраля о выходѣ крестьянъ изъ общества—установлялось, чтобы крестьянинъ для этого пріобрѣталъ въ собственность землю, равняющуюся тремъ душевымъ надѣламъ ²⁾. Помѣщикъ согласился; я поѣхалъ къ нему въ Москву, гдѣ онъ временно находился,—заплатилъ деньги 650 руб. и запродажную запись сдѣлалъ на имя отца. Когда же помѣщикъ замѣтилъ—почему

¹⁾ См. «Русскую Старину», изд. 1879 г., томъ XXIV, стр. 753—772.

²⁾ Въ слободѣ Мстерѣ надѣлъ земли составляетъ 1,800¹/₄ сажень на ревизскую душу, и этотъ участокъ не втрое, а даже въ 18 разъ болѣе существующаго въ оной надѣла.

я такъ дѣлаю, я сказалъ, что это все-равно, не воображая и не подозревая, что жизнь съ ея обстоятельствами можетъ измѣниться. Когда совершалась купчая крѣпость въ г. Вязникахъ, гдѣ мы были оба съ отцомъ моимъ, то онъ, во избѣжаніе платежа начета мірскихъ денегъ, пожелалъ, дабы не отбили эту землю, крѣпостной актъ сдѣлать на мое имя, чѣмъ былъ очень доволенъ помѣщикъ. Вскорѣ построили мы на этомъ участкѣ и домъ, куда я перешелъ жить, переведя сюда же и литографію, и книжную торговлю, такъ какъ здѣсь было болѣе удобствъ. Общество избрало-было меня въ какую-то должность учетчика, но я всѣми силами отъ этого отдѣлался. Мнѣ не хотѣлось вмѣшиваться въ общественныя дѣла, и въ этомъ мнѣ посодѣйствовалъ предводитель дворянства. Мнѣ крайне была непріятна служба отца и его частныя столкновенія: я боялся, что и мнѣ придется имѣть много непріятностей, такъ какъ, за принятіемъ первой должности, неминуемо послѣдуютъ другія, а у меня всетаки была одна затаенная мысль, одно желаніе: выйти, какъ-нибудь изъ общества. Въ 1865 году, по представленію губернатора А. П. Самсонова, за труды по статистическому комитету, мнѣ пожалована была серебряная медаль на шею на станиславской лентѣ. Я былъ весьма радъ этой высочайшей наградѣ, ибо она освобождала меня отъ тѣлеснаго наказанія. У насъ много было примѣровъ по разнымъ крестьянскимъ мѣстечкамъ, что крестьяне, преслѣдуя кого-либо изъ своихъ собратьевъ, приписывали какую-нибудь вину, а затѣмъ, по приговору волостнаго суда, наказывали его розгами ¹⁾, чтобы оконча-

¹⁾ Газетныя извѣстія о подобныхъ случаяхъ появлялись въ то время довольно часто. Уже въ 1868 году, въ Рязанской губерніи, крестьянинъ И. М. Горшковъ, молодой человѣкъ, губернский и уѣздный земскій гласный, членъ ревизіонной комисіи и членъ комисіи по составленію списковъ присяжныхъ засѣдателей, дававшій много мнѣній по народному образованію, который печатались въ журналѣ министерства народнаго просвѣщенія—по приговору волостнаго суда, претерпѣлъ позорное тѣлесное наказаніе розгами («Сынъ Отеч.», № 43, 1868 г.). Въ томъ же 1868 году былъ и со мной небольшой случай, описанный корреспондентомъ Доброхотовымъ: «Изнѣши инстанціи доходить въ своемъ сибаритизмѣ просто даже до безобразія. Вотъ тому и примѣръ: недалеко отъ Вязниковъ проживаетъ нѣкто ***, состоящій членомъ-сотрудникомъ императорскаго русскаго географическаго общества, таковымъ же вольнаго экономическаго, московскаго археологическаго и дѣйствительнымъ членомъ мѣстнаго статистическаго комитета,—лицо, осчастливленное милостями почти всего царствующаго дома,—лицо, заявившее себя въ ученой литературѣ многими почтенными трудами.... Недавно этотъ господинъ былъ почти при смерти, и въ такомъ опасномъ состояніи получаетъ отъ сотскаго слѣдующій приказъ: «Сотскому NN. Предписывается тебѣ, съ полученіи сего, немедленно выслать *** въ станъ канцеляріи моея, въ г. Вязники. Приставъ N». Неправда ли, огромнымъ

тельно оповорить и запятнать человѣка. Хотя лично у меня и не было никогда и никакихъ дѣлъ съ волостнымъ правленіемъ, но страхъ всетаки не оставлялъ меня въ покоѣ, и я съ негодованіемъ и возмущеніемъ читалъ въ газетахъ о разныхъ прискорбныхъ въ этомъ родѣ случаяхъ. По выходѣ отца изъ службы, и мои начинанія—воскресная школа съ библіотекой—стали, къ сожалѣнію моему, упадать. Ученики подвергались насмѣшкамъ, часто не находили сторожа, особенно въ зимнее время, отпереть зданіе, и, простоявъ по-пусту, должны были возвращаться домой. Отъ мѣстнаго новаго начальства, непріязненнаго къ отцу, не только не было поддержки, но, напротивъ, оно преслѣдовало эти учрежденія. Послѣ пятилѣтнихъ трудовъ, не видя никакой общественной или другой поддержки и помощи, я вынужденъ былъ оставить школьныя занятія. Одну часть библіотеки пожертвовалъ въ училище, а другую во вновь учрежденную благотворительскую библіотеку.

Въ концѣ 1865 года, мнѣ снова пришлось пробить около мѣсяца въ С.-Петербургѣ, по случаю закрытія литографіи и книготорговли. Причиною этого непріятнаго обстоятельства было то, что, 6-го апрѣля того же года, вышелъ новый законъ о печати, и послѣдовалъ особый циркуляръ г. министра внутреннихъ дѣлъ, которымъ воспрещалась, по недостаточности полицейскаго надзора, выдача дозволеній на подобное производство въ селеніяхъ. Губернаторъ у насъ былъ новый, а дѣла этого рода производились тогда въ губернскомъ правленіи. Въ силу такого распоряженія, дозволеніе на книжную торговлю мнѣ не было выдано, а мѣстныя власти, воспользовавшись этимъ случаемъ, запретили не только торговлю книгами, но и литографію, существовавшую съ дозволенія министра ¹⁾.

уваженіемъ пользуются у станovýchъ приставовъ наши мужи науки? А дѣло, по которому онъ требовался къ становому — было ни болѣе ни менѣ какъ объявленіе рѣшенія какого-то мѣста по его торговымъ дѣламъ.... Это дѣйствительно было вѣрно: за самымъ пустымъ дѣломъ требовали чуть не силой, въ серьезно-большомъ положеніи, во время дурной осенней погоды, на 22 версты, — только для того, чтобы росписаться въ прочтеніи бумаги, — распоряженія по дѣламъ книжной торговли, которое не было срочнымъ, и тотъ же становой послѣ, въ свой пріѣздъ, объявилъ эту бумагу; а это просто была грубая придирка.

¹⁾ Довольно странное было опредѣленіе, по этому дѣлу, губернскаго правленія: «Такъ какъ литографія существуетъ съ разрѣшенія министра, то нѣтъ основанія прекращать производства работъ, а свидѣтельство на торговлю произведеніями печати не можетъ быть выдано». Въ примѣненіи къ дѣлу вышло: печатай сколько угодно, но продавать нельзя; книжная торговля существуетъ вмѣстѣ съ литографическимъ производствомъ народныхъ картинъ — и потому одно безъ другаго и существовать не могли.

И. Г.

По приѣздѣ въ С.-Петербургъ, я самое-первое отправился къ В. П. Безобразову—моему покровителю, который, какъ и всегда, и въ этомъ случаѣ принялъ во мнѣ самое живое участіе. Просьба моя отъ г. министра перешла въ главное управленіе по дѣламъ печати; здѣсь потребовалось поручительство извѣстныхъ лицъ за мою благонадежность, что и было представлено. Затѣмъ послѣдовало разрѣшеніе на открытіе какъ литографій, такъ и книжной торговли ¹⁾. При этомъ литографическое заведеніе и книготорговля перешли сами собою на мое имя. Въ С.-Петербургѣ я съ особеннымъ удовольствіемъ посѣтилъ одно изъ засѣданій географическаго общества: видѣлся съ нѣкоторыми учеными, и былъ принятъ вообще съ большою благосклонностію. Тогда-же мнѣ удалось оказать немаловажную услугу и отцу. Когда его смѣнили съ должности старшины, я замѣтилъ въ немъ большую перемѣну: онъ постоянно былъ золъ, злился на все, хандрилъ... Надобно было предоставить ему какую-либо власть или занятіе, выходящее изъ ряда обыкновенныхъ и семейныхъ. Въ газетахъ вычиталъ я, обнародованныя 8-го мая 1864-года, основныя правила для учрежденія православныхъ церковныхъ братствъ, и, въ годъ выбытія его изъ должности, придумалъ отъ имени его основать православное братство, составилъ уставъ, который и былъ утвержденъ; отецъ былъ попечителемъ, я — дѣлопроизводителемъ; восхвалялъ въ печати достоинства и усердіе отца, описывая дѣятельность братства; тоже самое я дѣлалъ и во время его службы старшиной. Въ бытность мою въ С.-Петербургѣ, мнѣ представился случай, по рекомендаціи особенно А. П. Самсонова, быть у секретаря ея величества государыни императрицы, П. А. Морица. Я представилъ ему описаніе Мстеры, съ литографированными рисунками, и просилъ оказать покровительство учрежденному братству. По докладу П. А. Морица, Государыня Императрица соизволила пожертвовать 150 руб. Впослѣдствіи присылки денежные и книгами были почти ежегодно; къ не-

¹⁾ Когда было получено распоряженіе изъ С.-Петербурга, и я былъ, по возвращеніи, у губернатора—онъ мнѣ говорилъ, что ему было по совѣсти крайне непріятно прекращеніе моего производства но онъ самъ ничего не могъ сдѣлать. Губернаторомъ былъ П. А. Шатохинъ, который, чрезъ недолгое время губернаторства во Владимірѣ, застрѣлился въ Москвѣ, послѣ того какъ мнѣ въ видѣ исключенія, при особыхъ и высокихъ поручахъ въ благонадежности, при данномъ поручительствѣ, подписанномъ: академикомъ, дѣйств. статск. совѣт. В. П. Безобразовымъ, генералъ-лейт. А. П. Самсоновымъ (бывшимъ владимір. губернаторомъ), дѣйств. статск. совѣт. П. П. Семеновымъ, В. К. Ржевскимъ и В. Я. Фуксомъ, дано было дозволеніе. Мнѣ памятно также участіе въ этомъ дѣлѣ императорскаго географическаго общества: оно отозвалось обо мнѣ весьма лестно.

счастію, въ нашемъ братствѣ возникали распри и непріятности, столкновения съ мѣстнымъ начальствомъ, духовенствомъ, и т. д.; завелась масса дѣлъ, по странной привычкѣ отца къ дѣламъ и бумагамъ ¹⁾. Черезъ пять лѣтъ, проведенныхъ мною въ качествѣ писмоводителя, я отказался отъ дальнѣйшаго участія. При всемъ томъ, отцу моему по этому учрежденію пожалованы были двѣ серебряныя медали для ношенія на груди. Отцу крайне было непріятно, что я прекратилъ заниматься дѣлами братства, и къ этому времени имѣлъ наградъ за свои литературные труды болѣе, нежели онъ. Хотя отецъ потомъ и сдѣлался церковнымъ старостой, но мои успѣхи возбуждали въ немъ чувство зависти. Я вошелъ въ частныя сношенія съ учеными обществами; предпринималъ съ научной цѣлью нѣкоторыя отдѣльныя изданія, перепечатывалъ изъ владимірскихъ изданій статьи въ отдѣльныя книжки и брошюры, и за это имѣлъ счастіе удостоиваться благодарностей и подарковъ отъ высочайшихъ особъ царствующаго дома и ученыхъ лицъ. Все это поощряло и радовало меня, побуждая къ дальнѣйшимъ трудамъ. Составленное мною исповодь, продолженіе 2—3 лѣтъ, изданіе древностей Богоявленской церкви, съ 20-ю рисунками, встрѣчено было съ особеннымъ участіемъ любителями отечественной старины. Древніе предметы, собираемые мною, я разсылалъ въ музеи обществъ, руководствуясь тою мыслию, что большую коллекцію я не соберу, да она здѣсь и ни къ чему, а приношенія мои сохраняются въ музеяхъ и останутся какъ память обо мнѣ. Любовь къ старинѣ возрастала; я ничего не упускалъ изъ виду.

Въ 1866 году, меня избрали въ члены-корреспонденты московскаго археологическаго общества; въ 1867 году, у меня началась переписка съ покойнымъ А. И. Артемьевымъ, продолжавшаяся до самой его кончины. Его помощь и совѣты для меня незабвенны ²⁾. Въ 1869 году, я познакомился съ нимъ на первомъ московскомъ археологическомъ съѣздѣ, на выставкѣ котораго были многіе мои старинные предметы, подаренные въ музей владимір. статист. комитета и москов. археологич. общества. На съѣздѣ я пробылъ около двухъ не-

¹⁾ До чего сильна была въ отцѣ страсть къ письменнымъ дѣламъ! Въ 1874 г., при общемъ пожарѣ, сгорѣлъ его старый домъ, имущество же было спасено все. У меня находился въ то время въ гостяхъ К. Н. Тихонравовъ; мы пошли вѣдѣть отца и пригласить къ себѣ. Застаемъ его за разборкою дѣлъ. «Слава Богу, все спасено! Я привожу въ порядокъ бумаги»—сказалъ онъ. Дѣйствительно, послѣ него остался цѣлый архивъ; но, впрочемъ, очень мало интереснаго, а болѣе всего судебныя дѣла, и пререканія съ раскольниками.

²⁾ Воспоминаніе о А. И. Артемьевѣ и его со мной переписка помѣщены въ изданіи «Древняя и Новая Россія» 1875 г., № 9, стр. 82. И. Г.

дѣль, и онъ остался для меня чрезвычайно памятнымъ. Съ чувствомъ особенной любознательности слушалъ я рѣчи ученыхъ, съ особеннымъ удовольствіемъ разсматривалъ старинные предметы выставки. Съѣздъ этотъ мнѣ представлялся какъ бы цѣлымъ рядомъ лекцій для слушающихъ и вообще занимающихся археологіей. Намъ съ К. Н. Тихонравовымъ¹⁾ вздумалось, въ воспоминаніе о съѣздѣ, сняться на фотографіи вдвоемъ. Когда дѣло дошло до поднесенія графу А. С. Уварову альбома съ портретами членовъ съѣзда, и мы отдали такую карточку, то насъ и назвали тогда «владимірскими близнецами». Хотя, во время этого съѣзда, я не участвовалъ на разныхъ прирешествахъ, обѣдахъ и вечерахъ, устраиваемыхъ для членовъ—сильныхъ міра сего, но онъ оставилъ во мнѣ пріятное впечатлѣніе, а бронзовая медаль въ память этого съѣзда сохраняетъ дорогое воспоминаніе. Наконецъ время приближалось. За десять лѣтъ моего участія въ статистическомъ комитетѣ, губернаторъ, ген.-лейт. В. Н. Струковъ, за мои труды меня любилъ. Я не пропускалъ ни одного засѣданія и собранія статистическаго комитета, пріѣзжалъ съ любовію на нихъ, читалъ свои статьи, привозилъ этнографическіе, промышленные и старинные предметы, которые съ большимъ любопытствомъ разсматривались членами, и по нимъ я дѣлалъ нужныя объясненія. вмѣсто всякихъ наградъ, я просилъ, нельзя ли исходатайствовать мнѣ освобожденіе изъ крестьянъ; тѣмъ болѣе, что поговаривали выбрать меня въ общественную должность, въ званіе старшины²⁾. Возможность испол-

¹⁾ На археологическомъ съѣздѣ изъ Владимірской губерніи были три лица: изъ Владиміра К. Н. Тихонравовъ и архитекторъ Н. А. Артебень, а изъ крестьянскаго сословія вообще былъ только я одинъ.

²⁾ Изъ общественныхъ должностей, по просьбѣ нѣкоторыхъ знакомыхъ, въ 1876 году, я участвовалъ лишь въ дѣлахъ земства, и избранъ былъ уѣзднымъ и губернскимъ земскимъ гласнымъ. Къ сожалѣнію, я видѣлъ, въ три года, одинъ наверхъ и безпощадныя хищенія изъ народныхъ денегъ, что производило неутрадное впечатлѣніе. По земству мной представлено было нѣсколько проектовъ, которые напечатаны въ журналахъ собранія: о мѣрахъ прекращенія пожаровъ, о льготахъ для офеней по торговлѣ, объ улучшеніи ночныхъ карауловъ по селеніямъ, объ учрежденіи рисовальныхъ классовъ въ мѣстностяхъ иконописной промышленности, объ улучшеніи народныхъ училищъ прибавкой содержанія учителямъ. Послѣдній докладъ какъ-то прошелъ съ успѣхомъ, и учителямъ, вмѣсто 180 р. въ годъ, жалованье возвышено на 250 руб.; другіе же доклады прошли почти безслѣдно: заправляющіе земствомъ не любятъ у насъ, если имъ указываютъ что нужно сдѣлать; не любятъ, если починъ, хотя и доброго дѣла, принадлежит не имъ; не терпятъ, если имъ внушаютъ, и—на собраніяхъ, особенно уѣздныхъ, достаточно двухъ-трехъ словъ какого-либо служащаго воротилы-земца, не согласиться съ предложеніемъ—и не спросить другихъ гласныхъ, какъ уже услышите произнесовіе: «собраніе постановило....»—тѣмъ и кончается вопросъ.

ненія, какъ я думалъ, состояла въ томъ, что, по прошествіи девяти лѣтъ со времени уничтоженія крѣпостнаго права, я, какъ живущій на своей усадьбѣ, могъ бы получить увольнительное свидѣтельство; затѣмъ приписаться на-время въ мѣщане, а потомъ удостоиться званія личнаго почетнаго гражданина, по примѣру шуѣскаго мѣщанина, В. А. Борисова, который за многолѣтніе труды въ 1858 году, по этому же комитету, былъ возведенъ въ это званіе. Ходатайствовать о переходѣ моемъ въ почетное гражданство было тѣмъ затруднительнѣе, что право это предоставлялось лишь городскому сословію, но не крестьянскому. Одна статья «въ положеніи о крестьянахъ» дѣлала мнѣ сильнѣйшій тормазъ и приводила въ отчаяніе. По приѣздѣ изъ Владиміра, послѣ годичнаго собранія статистическаго комитета, я сообщилъ отцу о моемъ предположеніи и о намѣреніи перечислиться въ городское сословіе. Надобно замѣтить, что уже до этого случая отецъ мой началъ меня преслѣдовать, за мои усиленные умственные занятія. Исполдволь, мало по малу, изъ моего магазина онъ сталъ переводить торговлю къ себѣ въ домъ, потомъ сталъ обирать арендные деньги съ доходовъ на моей землѣ, возвышенныхъ мною до 300 руб. въ годъ; денегъ мнѣ не давалъ, часто дрался.... Вмѣсто прежней любви ко мнѣ, онъ выказывалъ ненависть; дѣлалъ самыя злыя насмѣшки, упрекалъ меня, что я ничего не дѣлаю и не работаю въ заведеніи, какъ чернорабочій; живу бариномъ: въ ученую знать пустился, и проч., и проч. Я часто плакалъ; темныя мысли бродили въ головѣ; исхода не предвидѣлось. Тяжела была моя семейная обстановка. Мои сестры пользовались слабостью отца, его любовью слушать всевозможныя сплетни, наговаривали ему на меня и подливали масла на огонь. Отецъ, вслѣдствіе наговоровъ, выказывалъ все болѣе и болѣе суровости и ярости ко мнѣ. Когда я попросилъ его согласія на мое увольненіе изъ общества, онъ на-отрѣзъ отказалъ, объявивъ, что дать согласіе только въ томъ случаѣ, если я подпишу ему купленную землю¹⁾). Я понялъ, что

¹⁾ Много было тогда случаевъ, что родители, не давая своего согласія на увольненіе изъ общества, обязывали дѣтей большими требованіями, хотя бы сынъ былъ вполне послушенъ и преданъ родителямъ, и послѣдніе имѣли хорошія средства. Я знаю, въ одномъ сосѣднемъ селѣ, одинъ молодой человекъ, который хорошо служилъ въ Сибири, пожелалъ перечислиться туда; отецъ сначала на все изъявилъ согласіе, но, когда сынъ началъ объ этомъ хлопотать, и все было готово, оставалось лишь получить увольнительное свидѣтельство, тогда отецъ его объяснилъ свое требованіе, чтобы онъ далъ ему 2,000 руб. Сынъ какъ-то закабалилъ себя, досталъ эти деньги, отдалъ отцу, былъ уволенъ изъ общества, перечислился въ Сибирь, но недолго прожилъ отъ такого потрясенія и—умеръ. Въ т. Шуѣ, купеческій сынъ П. И. Гундобинъ (умеръ 35 лѣтъ, 3-го марта 1871 г.) состоялъ членомъ разныхъ ученыхъ обществъ и владимірскаго статистическаго комитета, занимался разными изслѣдованіями, и приносилъ въ даръ музеямъ

онъ хочетъ оставить меня ни съ чѣмъ, или просто прогнать безъ ничего. Я вооружился терпѣніемъ до незабвеннаго мнѣ 1871 года. К. Н. Тихонравовъ, въ моей печальной обстановкѣ, утѣшалъ меня и обнадеживалъ.

Родительскія гоненія усилились. За всякой копѣйкой я долженъ былъ униженно обращаться къ отцу, улачая минуты, когда это сдѣлать. Сапожнику-ли за починку, портному-ли за удѣлку—за каждой бездѣлицей я долженъ былъ посылать съ записками къ отцу. Выдавая деньги, онъ прибавлялъ къ нимъ наставленія или насмѣшки. Помню, какъ мнѣ было тяжело и неприятно: когда негдѣ было взять копѣйки, я приходилъ къ нему просить денегъ, а онъ, съ ехидной улыбкой, поручалъ моей сестрѣ: «дайте Ивану мѣдныхъ».—1 руб., 2 или 3 руб., въ которыхъ потомъ я долженъ былъ дать отчетъ.

22-го февраля 1871 года, было назначено годичное собраніе статистическаго комитета. Я составилъ отчетъ за десять лѣтъ моего сотрудничества, написалъ докладную записку губернатору, В. И. Струкову, въ которой просилъ войти въ мое безвыходное положеніе и употребить ходатайство объ освобожденіи меня изъ крестьянскаго званія. Я словесно объяснилъ, что отецъ на увольненіе мое изъ общества—согласія своего не даетъ. В. И. Струковъ обѣщалъ сдѣлать все, что можно. Когда я прощался послѣ засѣданія, онъ какъ-то особенно пожалъ мнѣ руку со словами: «будьте покойны!». К. Н. Тихонравовъ я убѣдительно просилъ, чтобы онъ извѣщалъ меня по этому дѣлу. По пріѣздѣ домой, мнѣ пришла счастливая мысль—послать при письмѣ г-ну министру внутреннихъ дѣлъ и свои сочиненія, какія до этого времени вышли. Въ мартѣ (11-го числа) послѣдовало представленіе губернатора объ исходатайствованіи мнѣ званія личнаго почетнаго гражданина. Колеблясь между надеждою и отчаяніемъ, я считалъ минуты.... 20-го апрѣля, неожиданно пріѣхалъ К. Н. Тихонравовъ и остановился въ домѣ отца. Я немедленно пошелъ увидѣться съ нимъ, полагая, что онъ завернулъ мимоѣздомъ. «Неизвѣстно ли чего изъ Петербурга?»—спросилъ онъ меня. Я отвѣчалъ, что—ничего. кромѣ письма отъ В. П. Безобразова, изъ котораго вижу, что дѣло мое едвали возможно. Потолковавъ съ добрый часъ, я сталъ приглашать г. Тихонравова къ себѣ въ домъ. Здѣсь онъ вручилъ мнѣ официальное увѣдомленіе губернатора о томъ, что по всеподданнѣйшему докладу г. министра внутреннихъ дѣлъ, Государь Императоръ все милостивѣйше пожаловалъ меня званіемъ личнаго почетнаго гражданина!... При этомъ г. Тихонравовъ объяснилъ, что именно губернаторъ и отпустилъ его лично передать мнѣ это дорогое извѣстіе.

много предметовъ и книгъ. Отъ семейныхъ неудовольствій онъ оставилъ родину, уѣхалъ въ Рыбнскъ, гдѣ и скончался. Некрологъ его помѣщенъ въ № 15, «Владимір. Губерн. Вѣдом.», 1871 г.

И. Г.

Не помню, въ какомъ состояніи я тогда находился! Какъ ребенокъ, со слезами бросился я обнимать г. Тихонравова; жена моя залилась слезами; всѣ знакомые порадовались моему счастью... Одинъ только отецъ весьма сухо отнесся къ радостной вѣсти.

Для черезъ два я собрался вмѣстѣ съ г. Тихонравовымъ ѣхать во Владиміръ—лично благодарить губернатора. Тутъ отецъ не выдержалъ себя: не далъ мнѣ на дорогу денегъ, задурилъ и нанесъ при этомъ оскорбленіе г. Тихонравову. У жениной родни я досталъ на проѣздъ, и явился съ чувствомъ сердечной благодарности къ губернатору. Изъ С.-Петербурга я получилъ нѣсколько писемъ съ поздравленіями просвѣщенныхъ лицъ, которымъ я былъ извѣстенъ; именно: отъ А. И. Артемьева, барона Ө. Р. Остенъ-Сакена, Н. Я. Дубенскаго и др. Вскорѣ послѣдовали, по высочайшему повелѣнію, распоряженія объ исключеніи меня изъ крестьянъ сл. Мстеры и о причисленіи къ г. Вязникамъ.

IV.

При равнодушіи родныхъ къ моей радости, отецъ не унимался. На каждомъ шагѣ я у него былъ безъ вины виноватъ. Досада на мое освобожденіе, послѣдовавшее безъ согласія общества и помѣщика, самое же главное—помимо его родительской воли; отецъ поставилъ меня, еще болѣе прежняго, въ самое трудное положеніе. Прекратилъ окончательно торговлю въ моемъ магазинѣ; товаръ перевозъ въ свой домъ, буйствовалъ, бранился, надѣвался, что почетный гражданинъ сидитъ безъ копѣйки у себя въ домѣ: у отца де нѣтъ хорошій столъ, а въ своемъ домѣ ѣсть плохо. Такое мученіе возрастало съ каждымъ днемъ. Отецъ домогался, чтобы я подписалъ ему свое имуществу—землю, и, не видя успѣха, старался достигнуть этого крутыми мѣрами. Случалось, что и дрался. Обѣщалъ разныя непріятности, не давалъ спокойно заниматься. Когда онъ заставлялъ меня за перомъ, то я немедленно убиралъ съ глазъ свои тетради. Къ моимъ литературнымъ занятіямъ относился съ самой неприличной его лѣтамъ насмѣшкой, говоря, что отъ такихъ занятій я только раззорю его; что никакой пользы въ нихъ нѣтъ, какъ и отъ меня самого, и т. д. Наконецъ, силъ моихъ не стало. Улучивъ удобную минуту, я повѣдалъ обо всемъ сосѣду, помѣщику Е. И. Протасьеву, занимавшему въ то время должность мирового судьи. Онъ уже зналъ о моемъ положеніи, нерѣдко бывая въ моемъ домѣ; зналъ также, что отецъ мой все дѣлаетъ изъ зависти и самодурства. Небезызвѣстна ему была и любовь моего родителя къ князнымъ дѣламъ. Е. И. Протасьевъ присовѣтовалъ съѣздить во Вла-

Владимиръ—поговорить съ прокуроромъ окружнаго суда, хорошимъ моимъ знакомымъ, Н. А. Трохимовскимъ. Я заготовилъ на-память изложеніе обстоятельствъ и замѣтокъ. 10-го августа ко мнѣ изъ С.-Петербурга пріѣхалъ съ супругой, проездомъ съ нижегородской ярмарки, Л. Н. Майковъ, о которомъ еще раньше писалъ мнѣ А. И. Артемьевъ. Утромъ, въ этотъ день, я было занялся этими бумагами, какъ въ Мстерѣ сдѣлался небольшой пожаръ. Второпяхъ я не успѣлъ спрятать моихъ замѣтокъ, которыя хранились у меня въ сундукѣ. Вернувшись съ пожара, я встрѣтилъ дорогихъ гостей, душевно имъ обрадовался и занялся съ ними. Мы прокатились въ Мстеру, осмотрѣли нѣкоторыя иконописныя заведенія и древности храма. Я совершенно забылъ о своихъ бумагахъ. Вечеромъ поѣхалъ съ женой провожать гостей, до желѣзной дороги, за 15 верстъ. На первый поѣздъ опоздали, а потому остались до отбитія почтового, въ 12 часовъ ночи. Въ пріятной бесѣдѣ время пролетѣло незамѣтно. Возвращаясь обратно въ 2 часа утра, вижу въ моемъ кабинетѣ огонь. Отецъ, ночевавшій всегда въ своемъ домѣ, за отъѣздомъ нашимъ на этотъ разъ остался у меня, и я угадалъ, что онъ отыскалъ мои бумаги! Онъ перебралъ все, что у меня было; ни одна бумага не осталась нетронутою; самую же главную, заготовленную для прокурора, онъ взялъ къ себѣ, и вмѣстѣ съ нею крѣпостной актъ на землю. Со злой усмѣшкою однако сказалъ мнѣ, что ничего не взялъ у меня, а только однѣ владимірскія бумаги—съ тѣмъ и отправился въ свой домъ. Всю ночь я провелъ въ тревогѣ. Я сообразилъ, что все между нами должно быть кончено. Съ этого дня, отецъ мой весь заработокъ въ литографіи и по раскраскѣ картинъ—бралъ себѣ, также уносилъ все, что ему вздумается. Я составилъ новую записку, и въ сентябрѣ поѣхалъ во Владимиръ, подъ предлогомъ получить присланное изъ сената свидѣтельство на почетное гражданство. Здѣсь я объявилъ Н. А. Трохимовскому всѣ свои обстоятельства; оставилъ у него изложеніе дѣла. Такъ какъ отецъ мой всѣ письма, присылаемыя на мое имя съ почты, распечатывалъ и прочитывалъ раньше меня, то я просилъ переслать отвѣтъ чрезъ посредство сосѣда, мирового судьи. Черезъ нѣсколько времени отвѣтъ съ заключеніемъ былъ полученъ. Мировой судья употребилъ всѣ домашнія мѣры къ соглашенію, побудилъ отца отказаться отъ преслѣдованія меня своей властью, оставить самоуправство и меня въ покоѣ. Захваченное имъ право торговли подъ моимъ именемъ было мнѣ возвращено, также и крѣпостной актъ на землю. Советовали мнѣ при этомъ взять или отобрать отъ него товаръ моего заведенія на хорошую сумму; но отецъ упросилъ, чтобы оставили ему. Я сдѣлалъ всякую уступку: не только не взялъ товара, но и ничего;

одна его домашняя подписка о невмѣстательствѣ въ мои домашнія и хозяйственныя распоряженія—прекратила наши столкновенія. При этомъ отецъ долго не успокоивался и хотѣлъ преслѣдовать меня, но губернскія власти вразумили, что во всемъ виноватъ онъ, а потому мы и остались—каждый при своемъ. Онъ завелъ отдѣльную свою торговлю, по которой я оказывалъ ему всякое содѣйствіе. На первыхъ порахъ денегъ у меня не было, но добрые люди дали въ займы, а другіе открыли кредитъ по производству заведенія и по книжной торговлѣ; я сталъ вести расчетливую жизнь, и хотя не имѣлъ денегъ, но имѣлъ душевное спокойствіе. 1871-й годъ сразу меня избавилъ отъ двухъ тяжелыхъ гнетовъ: крестьянскаго и семейнаго. Не къ чести отца замѣчу, что онъ все-таки, и послѣ умиротворенія, косвенно старался мнѣ вредить, чтобы запятнать мое имя; писалъ моимъ знакомымъ и покровителямъ съ самой неблагоприятной стороны. Ему конечно не вѣрили, зная ближе обстоятельства, зная ложь и притворство, къ которымъ онъ прибѣгалъ. Губернскія власти относились къ нему несовсѣмъ благосклонно, и онъ еще больше потерялъ свой вѣсъ. Когда приближался часъ его кончины, и я, въ теченіе недѣли болѣзни, каждый день посѣщалъ отца, тогда совѣсть въ немъ заговорила. На смертномъ одрѣ онъ созналъ свои ошибки, и каждый разъ, предъ моимъ уходомъ, говорилъ только одно и то же: «прости меня Христа-ради».

Богъ съ нимъ... я обязанъ ему воспитаніемъ въ Москвѣ, онъ мнѣ указалъ дорогу. Его испортила властолюбивая служба съ молодыхъ лѣтъ, избаловало тщеславіе и испортили годы съ его незавидной семейной обстановкой.

Дѣтьми Богъ меня не наградилъ. Я рѣшился приблизить къ себѣ постороннихъ лицъ, чтобы направлять по своему пути и чтобы они занимствовали у меня полезное занятіе. То былъ крестьянскій сынъ сл. Мстеры, И. М. Тюнинъ (мой племянникъ), который и напечаталъ нѣсколько статей¹⁾, и крестьянскій сынъ сл. Холуя, Н. В. Сивковъ²⁾ (который былъ у меня рисовальщикомъ по заведенію). Къ сожалѣнію, мои старанія и заботы не оправдались: послѣ нѣсколь-

¹⁾ Статьи, шедшія чрезъ меня, во «Владимірскихъ Губернск. Вѣдомост.», помѣщены слѣдующія: 1, Обычай подавать тайную милостыню въ сл. Мстерѣ (№ 48, 1862 г.); 2, Средство истребить мышей въ сл. Мстерѣ (№ 30, 1870 г.); 3, О народномъ образованіи при фабрикѣ купца Демидова (№ 7, 1871 г.); 4, Семя въ сл. Мстерѣ (№ 27, того же года); 5, Производство машиннаго льнопряденія на фабрикѣ купца Демидова (№ 10, 1872 г.).

²⁾ Его статьи: 1, Производство плащаницъ въ сл. Холуѣ (№ 11, 1871 г.); 2, Полноводье въ сл. Холуѣ и народное преданіе о старикѣ сѣдлѣ. (№ 15, 1874 г.).

кихъ попытокъ, питомцы мои не пошли далѣе. Особенно заботился я о моемъ племянникѣ; изъ него не было пути: въ молодыхъ лѣтахъ, въ 1876 г., онъ утонулъ, купаясь хмѣльной. Одинъ только, бывшій тогда купцомъ, Н. Г. Добрынкинъ, по моему предложенію избранный въ члены статистическаго комитета, былъ прилежнымъ дѣятелемъ. Къ моимъ археологическимъ и другимъ изслѣдованіямъ относились весьма сочувственно; статьи изъ владимірскихъ изданій перепечатывались столичными журналами, а также неоднократно читались въ засѣданіяхъ ученыхъ обществъ ¹⁾.

Съ чувствомъ глубочайшей признательности и понятнаго самодовольства упомяну о высокомъ вниманіи, которымъ въ разное время осыпали меня особы императорской фамиліи. Въ 1868 году ген.-адъют. К. Н. Посыетъ онъ имени его императорскаго высочества В. К. Алексѣя Александровича выразилъ мнѣ сочувствіе и благодарность его высочества за нѣкоторыя поднесенныя мною изданія. Въ 1869 году, за личное поднесеніе, на Владимірской станціи желѣзной дороги, Его Императорскому Высочеству, Государю Наслѣднику Цесаревичу Александру Александровичу, древнихъ панегій и своихъ сочиненій, удостоенъ подарка золотыми часами, и за представленный экземпляръ изданія древностей Богоявленской церкви—денежной награды въ 50 руб. Отъ великихъ князей: Владиміра Алексѣевича—бриллиантовый перстень съ изумрудомъ и золотые часы, Алексѣя Александровича—фотографическій портретъ съ соб-

¹⁾ Въ періодъ съ 1861 года, со времени избранія меня членомъ статистическаго комитета, по 1873 годъ—помѣщено въ его изданіяхъ и Губернскихъ Вѣдомостяхъ моихъ статей:

По статистикѣ и этнографіи	108
Исторія и археологія.	43
Современной хроникѣ	107
Старинныхъ актовъ, бывшихъ неизвѣстными.	80

Итого 338.

Для музея статистическаго комитета принесено въ даръ: старинныхъ вещей, рисунковъ, этнографическихъ предметовъ и своихъ сочиненій—84; и 28 литографированныхъ рисунковъ для изданій комитета въ 6,400 экземплярахъ. Въ московское археологическое общество—64 разныхъ предметовъ, въ географическое—47, и съ 1871 года, съ учрежденія метеорологической комиссіи, доставляются ежегодно наблюденія надъ грозой. Послѣ избранія московскимъ археологическимъ обществомъ, въ 1870 году московское общество любителей духовнаго просвѣщенія избрало меня въ дѣйствительные члены, въ 1877 году императорское русское с.-петербургское археологическое общество въ члены-сотрудники. Принималъ также участіе, хотя не лично, въ трудахъ третьяго археологическаго съѣзда; но лично, равно какъ и на другихъ съѣздахъ, на которыя я имѣлъ честь быть приглашеннымъ, по своимъ матеріальнымъ соображеніямъ, къ сожалѣнію я не могъ быть.

И. Г.

ственноручной подписью и большой серебряный вызолоченный кубокъ съ подносомъ и надписью; отъ великихъ князей Сергія и Павла Александровичей—фотографическіе кабинетные портреты, за ихъ подписями.

Въ 1870 году, графъ Ө. П. Литке отъ имени Государя Великаго Князя Константина Николаевича выразилъ мнѣ признательность Его Высочества.

По представленіи мѣстнаго начальства за неслужебныя мои отличія по статистическому комитету, мнѣ были пожалованы двѣ серебряныя медали для ношенія на шеѣ, на станиславской и анненской лентахъ, а по министерству народнаго просвѣщенія, за 11-ти-лѣтнее усердіе къ народному образованію и за пожертвованія на этотъ предметъ, по представленію архіепископа Антонія, бывшаго председателя губернскаго училища совѣта,—удостоенъ награжденія, уже въ званіи почетнаго гражданина, золотою медалью, для ношенія на шеѣ на станиславской лентѣ.

Лестныя отзывы ученыхъ обществъ—о моихъ посильныхъ трудахъ—и отечественной печати о моихъ изданіяхъ—значительно содѣйствовали и содѣйствуютъ донинѣ поддержкѣ во мнѣ силъ и неослабнаго прилежанія.

Первую порцу отдѣльныя мои изданія печаталъ я въ самомъ небольшомъ количествѣ отъ 50 до 200 экземпляровъ. Я считалъ ихъ востоящими вниманія, сознавая свою неученость. Благосклонныя къ нимъ отношенія ученаго міра приписывалъ я снисхожденію къ самоучкѣ-крестьянину. Впослѣдствіи критическіе отзывы о трудахъ моихъ, напечатанные въ нашихъ историческихъ изданіяхъ, пробудили во мнѣ сознаніе, что и я, человѣкъ простой и неученый, могу приносить посильную пользу русской наукѣ. Въ этомъ сознаніи и въ пламенной любви къ родинѣ—моя сила.

Позволяю себѣ закончить мои воспоминанія замѣткой о концѣ тридцатыхъ и началѣ сороковыхъ годовъ—о той порѣ, когда мнѣ суждено было появиться на свѣтъ Божій. Сказанное авторомъ какъ нельзя лучше живописуетъ то, недавно минувшее время («Отеч. Записки», № 4, 1877 г. Изъ памятной книжки г. Иванова):

«Эти года для обыкновенной русской толпы были самымъ глухимъ, самымъ мертвымъ временемъ. Все, что родилось и провело въ эти годы свое дѣтство, все это—какъ бы въ бытъ ребенокъ дарованъ отъ природы—было близко къ потерѣ сознанія человѣческаго достоинства, съ дѣтства переполнялось всѣми сортами трусости, пріучалось боязливо мыслить, чувствовать, и вообще отыкало отъ аппетита какъ-нибудь поступать, какъ-нибудь дѣйствовать. Не шевелиться—хоть и мечтать; не показывать виду, что думаешь; не показывать виду, что не боишься:—вотъ что выработали эти годы въ русской толпѣ. Надо постоянно бояться—

это корень жизненной правды; все остальное может быть, но может и не быть, да и не нужно всего этого остального: еще наживешь хлопотъ—вотъ что тогда носилось въ воздухѣ, угнетало толпу, отшибало у нея умъ и охоту думать.

«Семья, въ которой я росъ, была именно такая угнетенная носившимся въ воздухѣ молотомъ: «еще наживешь хлопотъ». Семья.... Вѣчное, непрерывное беспокойство пропитало всѣ взаимныя отношенія и всѣ общественныя связи, всѣ мысли, всѣ дни и ночи, мѣсяцы и годы, начиная съ минуты пробужденія, переходя черезъ весь день и не покидая ночью.... Какъ-будто кто предсказалъ всѣмъ членамъ этой семьи (а такихъ семей—вся тогдашняя русская толпа), что, въ концѣ концовъ, ей предстоитъ гибель, и какъ-будто камень этого сознанія лежалъ у всѣхъ на душѣ. Съ этимъ камнемъ молились Богу, привоза въ домъ чудотворную икону; съ этимъ камнемъ родили дѣтей и хоронили ихъ; съ этимъ камнемъ шли на службу, принимали гостей, шли сами въ гости. Увѣренности, что человѣкъ имѣетъ право жить, не было ни у кого—напротивъ, именно эта то увѣренность и была умерщвлена въ толпѣ... Всѣ простые, обыкновенные люди не жили—«мыкались», или просто «кормились», но не жили. Какъ-только начинаю себя помнить—чувство какой-то виновности, какого-то тяжелаго преступленія уже тяготѣетъ надо мной. Такъ дѣйствовала на меня эта унылая, мертвая атмосфера, созданная потерявшими смыслъ и аппетитъ жизни людьми—что я еще семи или осьми лѣтъ чувствовалъ этотъ самый камень на сердцѣ, который чувствовали всѣ мои родственники, всѣ мои сверстники. Въ церкви я былъ виноватъ предъ всѣми этими угодниками, образами, паннадилами; въ школѣ я былъ виноватъ передъ всѣми, начиная со сторожа—куда!—съ вѣшалки, на которую вѣшалъ свою шинель; на улицѣ каждая собака (мнѣ казалось такъ) только и ждала моего появленія, чтобъ меня если не совсѣмъ съѣсть, то непременно укусить. Мальчики, запускавшіе змѣй, казались мнѣ отверженными Богомъ, одержимыми злымъ духомъ, порожденіемъ дьявола—такъ казалась громадна ихъ дерзость. Какъ не бояться будочника, который только и смотритъ, чтобы схватить и утащить тебя неизвестно куда? Словомъ: атмосфера, въ которой я росъ, была полна страховъ, была полна впечатлѣніями непріятныхъ и непривѣтливыхъ лицъ, непріятныхъ и непривѣтливыхъ отношеній, угрозъ, безпрестанныхъ, невѣдомо откуда и какъ, но во множествѣ являющихся огорченій. Все, что я ни видѣлъ вокругъ себя, все какъ бы отказалось отъ самого себя и только заботилось о томъ, чтобы не погибнуть, точно было ввержено въ какую-то пропасть... «Пропадешь!» носилось надо всѣми мнѣ близкими: «пропадешь, если посиѣшь чего-нибудь захотѣть самъ, если самъ что-нибудь позволишь себѣ... Хватай невѣстку-то! покуда можно... а то пропадешь!». И человѣкъ хваталъ урода, отъ котораго спивался... «Хватай мѣсто... останешься безъ мѣста, пропадешь!». И художникъ, талантливый человѣкъ—«хваталъ» мѣсто попа, почтальона—и спивался... Ни одной свѣтлой точки не было на горизонтѣ. «Пропадешь»—кричали небо и земля, воздухъ и вода, люди и звѣри... И все ежилось и бѣжало отъ бѣды—въ первую попавшуюся нору».

Все здѣсь сказанное вполне справедливо относительно того времени, когда все это такъ въ дѣйствительности происходило, существовало. было и жило!...

Бывшій крестьянинъ И. А. Голышевъ.

Сл. Мстера, 1878 г.